

Из библиотеки Казанского Университета

~~279947~~

ЕВРОПЕЙСКИЙ ХАОСЪ

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

ОЧЕРКЪ

М. А. КУРЧИНСКАГО

MIT EINEM REFERAT:

DAS EUROPÄISCHE CHAOS

DIE WIRTSCHAFTLICHEN FOLGEN DES GROSSEN KRIEGES

VON M. A. KURTSCHINSKY

ДЕРПТЪ (TARTU) 1925

Проверка
2007

СПбГУ

Л I 76322

~~Л 79447~~

ЕВРОПЕЙСКИЙ ХАОСЪ

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

ОЧЕРКЪ

М. А. КУРЧИНСКАГО

MIT EINEM REFERAT :

DAS EUROPÄISCHE CHAOS

DIE WIRTSCHAFTLICHEN FOLGEN DES GROSSEN KRIEGES.

VON M. A. KURTSCHINSKY

ДЕРПТЪ (TARTU) 1925

43698

Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis B VII.4

К. Маттисенъ, Дерптъ (Tartu).

„Ich fordere Diktatur der Vernunft“.

Heinrich Mann.

(Offenes Schreiben an den
Reichskanzler Stresemann.)

I.

Мы переживаемъ удивительное время. Судьба поставила насъ зрителями безпримѣрныхъ историческихъ событій. Въ этомъ отношеніи мы могли бы почитать себя счастливыми, если бы только эти событія не отражались такъ тяжело на насъ самихъ и на нашихъ близкихъ. Наша эпоха интересная, но въ то же время жестокая эпоха. Гораздо пріятнѣе было бы для насъ всѣхъ, какъ говорилъ одинъ мой знакомый, родиться нѣсколькими десятилѣтіями позже и въ спокойной обстановкѣ читать интересныя книги про великую войну, революцію и ихъ послѣдствія. — Но, разъ уже намъ выпало на долю жить среди всѣхъ этихъ событій, приходится прилагать старанія къ тому, чтобы сколько-нибудь въ нихъ разобраться ¹⁾.

Литература относительно войны и послѣдствій войны для Европы почти необозрима. Если посмотрѣть изданія института Carnegie, посвященныя экономической и соціальной исторіи міровой войны, гдѣ имѣется специальный отдѣлъ библіографіи, то мы увидимъ, на примѣръ, что одна только библіографія, касающаяся Австріи, гдѣ перечислены только одни названія

1) Настоящая статья представляетъ собой воспроизведеніе публичной лекціи, прочитанной авторомъ въ Дерптѣ и Нарвѣ (10-го и 17-го мая 1925 г.). Разсчитанная на широкую публику, она не задавалась цѣлями какого-либо особаго углубленія затронутыхъ вопросовъ, а стремилась лишь свести въ одно цѣлое и дать бѣглый обзоръ пережитыхъ нами великихъ событій, стараясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, содѣйствовать правильному ихъ пониманію и оцѣнкѣ. Характеръ лекціи отчасти отразился и на выборѣ использованныхъ источниковъ. Авторъ старался брать изъ громадной литературы, посвященной войнѣ и ея послѣдствіямъ, только наиболѣе признанное и общепонятное, позволяя себѣ болѣе спеціальныя указанія только изрѣдка, въ примѣчаніяхъ и ссылкахъ.

книгъ и журнальныхъ статей, занимаетъ большой томъ почти въ 200 страницъ ¹⁾. Исчерпать эту литературу въ отдѣльной лекціи или небольшой печатной работѣ совершенно невозможно. Въ этомъ отношеніи осуществимой задачей можетъ явиться только обзоръ главнѣйшихъ фактовъ послѣвоеннаго періода и приведеніе во взаимную связь разрозненныхъ событій. Это смотрѣть тому, что мы пережили за этотъ короткій періодъ, по своему внутреннему значенію равнозначный цѣлой исторической эпохѣ.

Почти 10 лѣтъ тому назадъ, когда я былъ выбранъ Совѣтомъ Дерптскаго, тогда еще Юрьевскаго Университета на одну изъ кафедръ юридическаго факультета, я читалъ вступительную лекцію на тему: „Война и финансы“.

Это былъ второй годъ великой войны, и вниманіе всѣхъ въ это время было приковано къ вопросамъ, связаннымъ съ военной проблемой. Жизнь тогда не только въ воюющихъ, но даже и въ нейтральныхъ странахъ протекала подъ знакомъ войны. Эта послѣдняя заполонила всѣ жизненныя проявленія. Поэтому вполне понятно, что великую войну европейскихъ народовъ по справедливости называли безпримѣрнымъ историческимъ событіемъ. „Послѣ всемірнаго потопа я не знаю другого такого великаго событія, какъ настоящая война“, сказалъ кто-то въ то время въ Бельгіи. — „Безпримѣрность этой войны заключалась не только въ необычайно грандіозномъ масштабѣ вооруженнаго столкновенія великихъ и малыхъ державъ цивилизованнаго міра, захватившемъ всѣ части свѣта, но и въ томъ, что война разразилась при такихъ сложныхъ экономическихъ отношеніяхъ, какія были почти неизвѣстны недавнему прошлому. Послѣдняя крупная европейская война, франко-прусская, или послѣднее крупное столкновеніе на Дальнемъ Востокѣ Россіи и Японіи — только отчасти задѣвали сложный комплексъ всемірно-хозяйственныхъ отношеній, истекшая же война, можно сказать, совершенно уничтожила понятіе всемірнаго рынка, грубо разорвала всемірно-хозяйственныя связи отдѣльныхъ странъ и вернула Европу къ стародавнимъ временамъ, когда международныя экономическія отношенія были довольно случайными и когда національная

1) Othmar Spann. Bibliographie der Wirtschafts- und Sozialgeschichte des Krieges. Wien, 1923.

разобщенность была основой для развитія отдѣльныхъ хозяйствъ“¹⁾.

Такихъ потрясеній мiръ не видалъ раньше уже потому, что раньше не было такой связанности между отдѣльными уголками мирового хозяйства, а также потому, что прежнее хозяйство не въ такой степени, какъ теперь, покоилось на кредитѣ.

Если еще и въ настоящее время выдвигается нерѣдко вопросъ о виновности той или иной страны въ возникновеніи войны, и эта послѣдняя представляется своего рода неожиданностью, то тѣмъ болѣе такія точки зрѣнія были понятны въ самомъ началѣ войны. Однако, и тогда уже для многихъ было ясно совершенно иное.

Въ частности, я самъ въ своей вступительной лекціи подчеркивалъ, что „не нужно думать . . . , что война явилась такую необычайною неожиданностью, что она представляла собою случайность, исключительное проявленіе чьего-либо произвола или злой воли . . .“

Съ точки зрѣнія исторической, еще болѣе съ точки зрѣнія экономической оцѣнки и изслѣдованія всѣхъ предшествовавшихъ ей явленій, данная война есть необходимый результатъ всего предшествовавшаго развитія. Мы стоимъ передъ своего рода „трагическимъ конфликтомъ“ европейской жизни, естественнымъ образомъ возникшимъ и развившимся. Это было ясно уже въ самомъ началѣ войны, почему мы и встрѣчаемъ подобнаго рода указанія въ работахъ, появившихся въ это время, гдѣ отмѣчается, что подъемъ мирового хозяйства и имперіализмъ, Африка и Балканы, — вотъ тѣ силы и пункты приложенія этихъ силъ, которые вызвали пережитую нами великую катастрофу. „Подъемъ мирового хозяйства, выражавшій внутреннюю закономерность развитія капиталистическихъ отношеній, поставилъ значеніе колоній на первый планъ для всякаго крупнаго государства, ведущаго активную торговую политику. Въ центрѣ этого подъема находилась Германія, лишенная сколько-нибудь богатыхъ колоній и потому энергично стремившаяся расширить свои владѣнія въ Африкѣ, и придерживавшаяся принциповъ наиболѣе активной

1) „Вопросы мировой войны“. Сборникъ статей подъ ред. проф. Туганъ-Барановскаго, С.П.Б. 1915, стр. 398.

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе агрессивной торговой политики. Неизбѣжно вытекавшій отсюда конфликтъ интересовъ между Германіей съ одной стороны и Англійей и Франціей съ другой не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ и, какъ извѣстно, приводилъ неоднократно Европу еще до 1914 года къ краю военной катастрофы. Конфликтъ этотъ, однако, еще осложнялся острымъ соперничествомъ на Балканахъ между Австріей, союзникомъ и орудіемъ Германіи, и Россіей, которая опиралась на финансовые рынки Франціи и Англии... Африка и Балканы — вотъ очаги міровой войны. Но они созданы не субъективной волей тѣхъ или иныхъ сильныхъ личностей и не случайнымъ дипломатическимъ соперничествомъ заинтересованныхъ державъ, а общимъ объективнымъ прогрессомъ мірового хозяйственнаго развитія, и порождены новыми экономическими образованиями и задачами — экспортнымъ и финансовымъ капитализмомъ, агрессивной торговой политикой и имперіализмомъ...“ Вотъ почему основныя и главныя причины этой войны — экономическія причины¹⁾.

Для широкихъ круговъ публики война явилась неожиданностью. Для политиковъ и людей, слѣдившихъ за финансово-экономическою жизнью современной Европы, она была давно ожидавшимся фактомъ. Съ этой точки зрѣнія нѣкоторыя лица считали своевременнымъ выступленіе Россіи еще во время балканской войны 1912 года, усчитывая, что все равно черезъ нѣкоторый промежутокъ времени война между Германіей и Россіей окажется неизбежной²⁾. Нельзя было только, конечно, заранѣе установить совершенно точно время начала войны. Никто не могъ сказать, будетъ ли она черезъ годъ, два, три или болѣе, но самая неизбежность ея — чувствовалась.

Итакъ, вообще, какъ это говорить въ одной изъ своихъ книгъ Кэйнсъ, „дѣло совершенно невозможное взваливать

1) См. сборникъ „Міровая война“, стр. 227—228, а также рѣчь проф. В. Баша (Сорбонна) въ Берлинѣ: „Die europäische Lage und die deutsch-französische Verständigung“. Сб. „Deutschland und Frankreich“, Neue Folge. Berlin, 1925. S. 115.

2) Стоитъ по этому поводу вспомнить пріѣздъ въ Петербургъ покойнаго, тогда еще болгарскаго генерала Радко-Дмитріева, когда союзныя славянскія войска стояли передъ Чаталджинскими укрѣпленіями, и Радко-Дмитріевъ утверждалъ, что небольшая помощь Россіи дастъ возможность сломить эти позиціи и открыть дорогу къ Константинополю.

всю отвѣтственность за обстоятельства, приведшія къ войнѣ, цѣликомъ на какую-нибудь одну націю; она была, по крайней мѣрѣ отчасти, вызвана основнымъ характеромъ международной политики и всеобщаго соперничества въ концѣ 19 вѣка, милитаризмомъ (въ Россіи въ такой же мѣрѣ, какъ въ Германіи и Австро-Венгріи), также какъ и повсюду укрѣпившимися положеніями экономическаго имперіализма. Сѣмена войны были заложены въ глубинахъ новѣйшей исторіи Европы“. Но, несмотря на это, даже и Кэйнсъ, являющійся убѣжденнымъ защитникомъ интересовъ Германіи, признаетъ, что эта послѣдняя „должна нести особую и своеобразную отвѣтственность за войну, за ея всеобъемлющій и губительный характеръ, за ея конечное превращеніе въ немилосердную борьбу за побѣду или поражение“. По мнѣнію Кэйнса, въ настоящее время достаточно выяснено, что война была „съ полною сознательностью спровоцирована въ августѣ мѣсяцѣ 1914 года и въ предшествующія этому моменту недѣли руководящими кругами Германіи, съ цѣлью начать ее именно въ данный моментъ“¹⁾. Послѣ войны, даже проигранной войны, во время революціи, большинство самихъ нѣмцевъ были того мнѣнія, что главной причиной войны былъ милитаризмъ, существовавшій, правда, и въ другихъ государствахъ, но наиболѣе типическій, организованный лучше всего въ Пруссіи, гдѣ онъ представлялъ, по мѣткому слову Поля Бурже, величайшее созданіе искусства послѣ папства и французской академіи²⁾.

1) J. M. Keynes. Der Friedensvertrag von Versailles, 1921, Berlin. Die europäische Bücherei, B. III, S. 5—6.

2) V. Basch. Deutschland und Frankreich. Neue Folge. S. 108. Мнѣніе о наибольшей винѣ Германіи въ „провоцированіи войны“ высказываетъ и извѣстный англійскій писатель Уэллсъ. См. Герберт Уэллсъ. Международная катастрофа 1914 года и ее послѣдствія, пер. съ англ. В. Круковского, Петроград, 1923, стр. 40. Вообще вопросъ о виновности Германіи въ истекшей войнѣ имѣетъ уже сейчасъ цѣлую литературу. Профессоръ E. Schulze въ своей книгѣ „Die Zerrüttung der Weltwirtschaft“, 2. Aufl. Berlin 1923 — посвящаетъ этой проблемѣ особый отдѣлъ, гдѣ онъ, приводя мнѣнія Dickinson'a, E. Bruce'a, v. Siebert'a, E. D. Morel'a, G. P. Goosch'a и другихъ, старается доказать неправильность утвержденія объ „исключительной“ (alleinige) винѣ Германіи въ войнѣ, которая однако, по его словамъ, признается даже и Кэйнсомъ. Послѣднее, какъ мы знаемъ, невѣрно. Кэйнсъ говоритъ лишь о болѣе винѣ Германіи. Говорить же объ исключительной виновности какого-либо государства въ явленіи, подготовленномъ всѣмъ теченіемъ историческихъ событій, — бессмысленно. См. E. Schulze, op. cit. S. 590—597.

Но отъ этого утвержденья еще очень далеко до приписыванія главной доли вины только опредѣленнымъ личностямъ. Въ качествѣ таковыхъ могли бы, въ особенности, фигурировать два могущественнѣйшихъ монарха того времени — Николай II и Вильгельмъ II.

Что касается перваго, то всѣмъ въ настоящее время достаточно извѣстно отсутствіе у него сильной воли и то, что онъ шелъ на поводу у окружавшей его придворной клики, несмотря на всю свою, проявлявшуюся по временамъ большую настойчивость въ вопросахъ, которымъ онъ придавалъ особое значеніе. Можно утверждать поэтому съ достаточной опредѣленностью, что, при всѣхъ допущенныхъ имъ ошибкахъ, едва ли возможно приписывать покойному русскому монарху личную инициативу или руководящее вліяніе въ дѣлѣ созданія истекшей войны. Николай II въ этомъ отношеніи плылъ скорѣе по теченію, не проявляя особой политической воли въ международныхъ вопросахъ.

Императоръ Вильгельмъ II былъ совершенно иной фигурой, съ достаточно сильнымъ характеромъ, долгое время импониравшей не только у себя дома, но и за границей. Онъ велъ свою опредѣленную политику, и его вліяніе на европейскія дѣла не можетъ быть никоимъ образомъ оспорено. Въ настоящее время вѣрноподданнической туманъ, окружавшій его фигуру, въ достаточной степени разсѣялся, и мы можемъ съ значительно большею безпристрастностью оцѣнить ея дѣйствительные размѣры такъ же, какъ и его долю участія въ подготовкѣ истекшей войны. Конечно, отъ такой оцѣнки еще очень далеко до первоначальныхъ, явно демагогическихъ заявленій Ллойдъ Джорджа о томъ, что „Вильгельмъ долженъ быть повѣшенъ, и за все расплатятся гунны“. Ллойдъ Джорджъ впоследствии самъ усмотрѣлъ все неразуміе своихъ первоначальныхъ ультрапатріотическихъ выступленій. Однако, теперь уже вполне ясно мало кѣмъ отмѣчавшееся обстоятельство, что Вильгельмъ II содѣйствовалъ уже давно одной изъ кардинальныхъ ошибокъ германской дипломатіи — спокойному созерцанію триумфа Японіи надъ Россіей въ 1905 году. Я бы сказалъ даже болѣе — использованію этого триумфа путемъ заключенія, подъ шумокъ неудачной для Россіи войны, явно невыгоднаго для послѣдней торговаго договора (1904 г.)¹⁾. — Успѣхъ японцевъ заставилъ

1) Графъ С. Ю. Витте. Воспоминанія. Дѣтство. Царствованія Алек-

Россію отвернуться отъ дальневосточной активной политики, отъ Манчжуріи и Монголіи, и направить свои взоры на Европу, столкнувшись здѣсь съ планами двуединой монархіи. Ни одинъ разумный германскій дѣятель не сталъ бы требовать чуть ли не расчлененія Россіи. Это въ особенности послѣ ряда ошибокъ, надѣланныхъ Германіей по отношенію къ Франціи (Марокко, Танжеръ), послѣ свысока поучающихъ и въ то же время натравливающихъ писемъ Вильгельма къ Николаю II, писемъ, сейчасъ же ставшихъ извѣстными черезъ Марію Федоровну королю Эдуарду, вызвавшихъ поѣздку Эдуарда въ Финскій заливъ и вовлеченіе Россіи въ антинѣмецкую политику, поведшую въ результатъ къ такъ называемому „окруженію“ Германіи.

Германія слишкомъ поздно узнала своего Вильгельма, слишкомъ поздно узнала то, что заключалось подъ горделивымъ выраженіемъ „unseres Kaisers“. Насколько было бы лучше для Германіи, если бы ранѣе было извѣстно широкимъ кругамъ, какія мнѣнія высказывались о Вильгельмѣ самыми близкими къ нему людьми, его родителями, его первымъ канцлеромъ, даже его любимцами, Хинцпетеромъ и Вальдерзее. — Воспитатель императора ворчалъ, что юный принцъ можетъ только представительствовать, ни на что другое его не хватаетъ. Начальникъ генеральнаго штаба былъ до крайности озабоченъ „образомъ дѣйствій“ безсердечнаго, высокомѣрнаго, незнающаго и, тѣмъ не менѣе, ослѣпленнаго самоочарованіемъ своихъ качествъ императора. „Онъ твердо убѣжденъ въ своей непогрѣшимости и превосходствѣ; если что-либо не удастся, то всегда въ этомъ виноваты другіе. Удовольствія являются для него главной задачей, рабочее его время сведено до минимума.“ — Такъ, а часто и болѣе рѣзко, говоритъ о Вильгельмѣ взысканный его милостями Вальдерзее. Бисмаркъ находилъ въ третьемъ германскомъ императорѣ всѣ характерныя черты Гогенцоллерновъ, вредящія государствен-

сандра II и Александра III. Берлинъ, 1923, стр. 345. Мнѣ не разъ приходилось спорить съ видными военными по поводу значенія японской кампаніи. Они считали ее полезной для русскаго военнаго дѣла, такъ какъ она заставила насъ „подтянуться“ и многому научиться. По моему, наоборотъ, она обнаружила нашу военную слабость, и съ этихъ поръ, собственно, и пошло широко гулять мнѣніе о „колоссѣ на глиняныхъ ногахъ“.

ному строительству, и ни одной изъ ихъ добродѣтелей. Императоръ Фридрихъ называлъ своего сына неблагодарнымъ, наглымъ, пустымъ. Императрица мать не находила словъ для его отрицательной характеристики. То же самое иллюстрируютъ и недавно опубликованныя письма Вильгельма, бывшаго тогда еще только будущимъ наслѣдникомъ, къ императору Александру III. Въ нихъ чувствуется то же ничтожество, та же мелочность и пустота, соединяемая съ непростительнымъ легкомысліемъ¹⁾. Но все это оставалось долгіе годы совершенно неизвѣстнымъ нѣмецкому народу, которому внушали, что милостями судьбы ему достался, въ качествѣ руководителя, своего рода свѣточъ, міровое чудо, вызывающее зависть сосѣднихъ народовъ²⁾.

И этотъ самый Вильгельмъ уже теперь, въ своемъ роскошномъ изгнаніи, продолжаетъ говорить уже въ мартѣ 1923 года въ томъ же тонѣ, обращаясь къ группѣ лейпцигскихъ студентовъ, которые его посѣтили. „Что было бы съ Германіей безъ Гогенцоллерновъ! Я свершилъ безмѣрно великое для моего народа и даже самымъ бѣднѣйшимъ уготовалъ отрадную участь“³⁾. Передъ умственнымъ взоромъ Вильгельма еще и до сихъ поръ носится мечта его о томъ, какъ онъ героемъ, своего рода Зигфридомъ, войдетъ въ Валгаллу.

За все это пустословіе и бахвальство пришлось въ конечномъ счетѣ тяжелой цѣной расплачиваться нѣмецкому народу!

Вообще, весь періодъ грандіозной войны былъ какъ для Германіи, такъ и для союзниковъ періодомъ грандіозной лжи. На-

1) С. Ю. Витте отмѣчаетъ, между прочимъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, какъ характерную черту Вильгельма, что этотъ послѣдній больше всего любитъ всевозможные формы, ордена и отличія. Витте, *op. cit.* стр. 343.

2) Въ нѣмецкомъ умѣ, какъ говоритъ Уэллс, незамѣтно создалось представленіе о Германіи и ея императорѣ, какъ о чемъ-то несравненно совершенномъ, какъ о богоподобномъ народѣ въ „блестящихъ доспѣхахъ“ и съ „добрымъ германскимъ мечомъ“ въ рукахъ; какъ о народѣ, царящемъ среди низшихъ племенъ... Такъ въ особенности говорилъ самъ императоръ. Бога онъ именовалъ своимъ „божественнымъ союзникомъ“. „Нашъ старый богъ“, говорилъ онъ съ чувствомъ. Когда германцы захватили Кіао-Чау, онъ упомянулъ о германскомъ „бронированномъ кулакѣ“. Поддерживая Австрію противъ Россіи, онъ говорилъ о Германіи „въ блестящихъ доспѣхахъ“. См. Гербертъ Уэллс. Международная катастрофа 1914 г. и ее послѣдствія, пер. съ англ. В. Круковского, Петроград, 1923, стр. 7, 11.

3) См. Maximilian Harden. Deutschland, Frankreich, England. Berlin, 1923. S. 43—47, 11—12, 110—113 etc.

родъ былъ оболганъ и обмануть. Война и съ той и съ другой стороны велась „за дѣло справедливости“. Это была война за всеобщій миръ и счастье, „последняя“ война, „война—войнѣ“.

Въ Россіи, напримѣръ, руководящія группы обратили преимущественное вниманіе не на себя самихъ и на состояніе своихъ силъ, а на воображаемую слабость враговъ, невозможность для нихъ устоять въ неравной борьбѣ. Въмѣсто того, чтобы по возможности сосчитать свои силы и ресурсы, мы были гораздо болѣе озабочены тѣмъ, сколько времени будетъ въ состояніи продержаться Германія и на долго ли хватитъ ей имѣющихся въ ея распоряженіи запасовъ и силъ. Если же даже мы и задумывались о своемъ положеніи и производили нѣкоторое сравненіе его съ тѣмъ, что мы знали относительно Германіи, то такое сравненіе всегда оказывалось въ нашу пользу. Изъ соображеній продовольственнаго характера, по мнѣнію русскихъ изслѣдователей, явствовало, что Германія, имѣя своимъ противникомъ Россію и Англію, никакою цѣною, даже при наличіи большихъ денежныхъ средствъ, не можетъ купить необходимаго для веденія войны продовольствія, и что война поэтому, въ не особенно далекомъ будущемъ, неминуемо придетъ къ концу. Нѣкоторые еще болѣе опредѣленно указывали, что съ закрытіемъ всѣхъ путей для международныхъ сношеній Германія очутилась въ „безвыходномъ положеніи“, тѣмъ болѣе, что и надежды ея на использование для ввоза продуктовъ нейтральныхъ странъ, благодаря морской блокадѣ, разлетѣлись въ прахъ. Поэтому, по мнѣнію этихъ оптимистовъ, если англичане и высказываются, что война затянется на три года, то это „немыслимо“, и всего вѣроятнѣе, что она продолжится не болѣе 7—8 мѣсяцевъ. Входя въ оцѣнку вліянія войны на наше народное хозяйство, изъ разсмотрѣнія основъ послѣдняго, покоющагося въ значительно большей степени на сельскохозяйственномъ промыслѣ, тѣмъ на фабрично-заводской промышленности, дѣлался выводъ о несравненно большей выносливости русскаго народно-хозяйственнаго организма сравнительно съ германскимъ. Въ общемъ итогѣ, дѣлалось заключеніе, что нашъ народнохозяйственный организмъ не только не разрушается войной, какъ это мы видимъ въ Германіи, но почти ея не чувствуетъ. Въ то время какъ продолженіе войны наталкивается для Германіи, за извѣстнымъ, не очень отдаленнымъ предѣломъ, на эконо-

мическую невозможность, мы, поскольку дѣло идетъ о нашемъ народномъ хозяйствѣ, „можемъ вести войну годами“. Въ общемъ, наша экономическая отсталость, наша слабость выдавалась за нашу силу.

Какъ странно теперь перечитывать всѣ эти утверждения, какимъ диссонансомъ они звучатъ при сравненіи со всѣмъ пережитымъ Россіей за время войны и послѣ нея! Я уже не буду вспоминать всей той экономической публицистики, которая главное свое вниманіе обращала на все растущіе симптомы истощенія Германіи, на увеличеніе голоданія ея городского населенія, на уменьшеніе раціоновъ пищи, на точнѣйшій, самый мелочный учетъ имѣющихся запасовъ. Текущая пресса своими легкомысленными сообщеніями и выводами еще болѣе усиливала создававшееся настроеніе. А между тѣмъ это настроеніе давало увѣренность въ неминувости почти автоматической побѣды благодаря истощенію Германіи, благодаря такому могущественному союзнику, работающему рука объ руку съ нами, какъ голодъ германскаго населенія. Эта увѣренность позволяла придавать не слишкомъ большое значеніе военнымъ успѣхамъ Германіи, твердо вѣрить, что, какъ это писалось еще дѣломъ 1917 года, хотя мы и дѣлаемъ все для того, чтобы быть побѣжденными, а Германія напрягаетъ всѣ усилія къ побѣдѣ, все же она, а не мы, будетъ побѣждена. Такое настроеніе позволяло намъ быть пассивными, плыть по теченію, не вызывало въ русскомъ обществѣ того ужаса передъ надвигавшимися событіями, который могъ бы заставить собрать всѣ наличныя силы, поставить все на карту для достиженія конечной побѣды.

Могутъ сказать, что для пессимизма тогда не было мѣста по цензурнымъ условіямъ, что нельзя было писать о войнѣ всего, что вздумается, нельзя было высказывать всей правды. Пусть такъ! Тогда было бы, можетъ быть, лучше молчать, чѣмъ создавать неправильное представленіе о положеніи, содѣйствовать своего рода побѣдному психозу въ умахъ населенія, дѣлавшаго для достиженія побѣды значительно меньше, чѣмъ слѣдовало, и позволявшаго правительству вести его пагубную политику.

Когда-нибудь историку русской общественности будетъ смѣшно и грустно перечитывать все то легкомысленное пустословіе, которое въ невѣроятномъ количествѣ разливалось

по безчисленнымъ столбцамъ печатной бумаги, наблюдать то отсутствіе истиннаго патріотизма, которое было обнаружено во время войны.

Но то же самое, что мы отмѣтили для Россіи, находило себѣ не меньшее примѣненіе и въ лагерѣ ея противниковъ. Исполненіе заповѣди, возвѣщенной двумя нѣмецкими писателями: однимъ германцемъ и однимъ семитомъ, Фихте и Ласалемъ — „говорить то, что есть“, т. е. быть правдивымъ, — было въ Германіи строжайше запрещено. Внутреннія затрудненія и внѣшнія потери имѣлись только у враговъ, не у нѣмцевъ. Врагамъ грозило банкротство, возмущенія, распаденіе государства, отпаденіе отъ него чужихъ народностей, колоній, ослабленіе заключенныхъ союзовъ, гнѣвное нетерпѣніе нейтральныхъ государствъ: *toute la luge*. Послѣзавтра Франція изнеможетъ изъ-за недостатка соли, немногимъ позже — англосаксонскій міръ, потому что онъ не можетъ обойтись безъ ввоза анилиновыхъ красокъ. — „Вражеская блокада не достигаетъ ничего. У насъ всего въ изобиліи. Все, что намъ нужно! Болѣе того, что намъ нужно! Наши союзники стоятъ непоколебимо, какъ скала. Побѣда слѣдуетъ за побѣдой. Время работаетъ на насъ. Съ каждымъ мѣсяцемъ мнѣніе окружающаго міра склоняется все болѣе на нашу сторону“.

А между тѣмъ самыя настойчивыя усилія и, казалось бы, блестящія достиженія не приводили ни къ чему. Ядовитые газы? Ихъ изобрѣтатель, профессоръ Габеръ (Haber), предупреждалъ, что можетъ ручаться самое большее только за одинъ годъ, а тамъ они будутъ и у враговъ. Никто не придавалъ этому значенія. Бомбы съ аэроплановъ надъ Лондономъ и Парижемъ, громадныя массы взрывчатыхъ веществъ изъ нѣдръ „Толстой Берты“ — все это производило преходящее сильное впечатлѣніе, но, въ итогъ, только закаляло силу сопротивленія. Безпощадная подводная война — тѣ же результаты. И такъ шло до октября 1918 года, когда предложеніе изъ Вашингтона о сдачѣ оружія рѣзко нарушило пріятный сонъ. „Мы были оболганы и обмануты“, воскликнулъ со стономъ одинъ выдающійся консерваторъ, высказывая этимъ чувства всей германской націи ¹⁾.

А между тѣмъ верхи германскаго правительства, особенно

1) M. Harden, о. с. S. 32—34.

военные верхи, уже давно отлично знали действительное положение. Да и кромѣ нихъ многіе видѣли, что должно было произойти. Не только могло, а послѣ 14 сентября, перваго большого разочарованія на поляхъ Марны, должно было произойти. Когда Англія нашла время и сумѣла вооружить всю Британскую Имперію, поднять четыре континента, гдѣ господствующіе слои говорятъ по англійски, — не оставалось уже никакой надежды, что Германія сможетъ среди своихъ убогихъ союзниковъ добиться побѣды.

Стоитъ въ этомъ отношеніи почитать письма генерала фонъ Мольтке, стоявшаго въ теченіи девяти лѣтъ во главѣ германскаго генеральнаго штаба. Уже въ 1914 году онъ отмѣчалъ, что „дѣла идутъ плохо. Блестящее начало войны превращается въ свою противоположность. Мы задыхаемся въ борьбѣ противъ Востока и Запада. Горькое разочарованіе приходитъ только теперь, и намъ придется платить за все, что мы разрушили“ (9 сентября). „Мы идемъ навстрѣчу катастрофѣ, если что-либо не измѣнится. Я вижу вещи такъ, какъ онѣ есть, и полагаю, что такъ же думаетъ и вся армія“ (12/I 1915 г.). „Если мы не заключимъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ мира съ Россіей, я не знаю, что съ нами будетъ. Средства страны растрочены преступнымъ образомъ. Это уже болѣе не веденіе войны: это полнѣйшее фіаско“ (29/I 1915 г.).

А наряду съ этимъ, нѣкоторые министры продолжали утверждать, что у Германіи больше „серебряныхъ пуль“, чѣмъ у Британской Имперіи, что ей поэтому нечего напрягать въ такой степени свой налоговый винтъ и можно быть увѣреннымъ, что „военныя издержки лягутъ на нашихъ враговъ¹⁾“. Такъ фальсифицировалось общественное мнѣніе Германіи!

II.

О стоимости войны для воюющихъ государствъ не приходится распространяться. Она представляла собой, по словамъ германскаго имперскаго министра финансовъ Гельфериха (нынѣ покойнаго), „такое уничтоженіе цѣнностей, какого до сихъ поръ не знала міровая исторія“, вслѣдствіе котораго „міръ утратилъ должное представленіе о крупныхъ числахъ“, ставшихъ совер-

1) Harden, о. с. S. 28—29.

шенно астрономическими. По самымъ приблизительнымъ подсчетамъ воюющія страны потеряли болѣе 10 милліоновъ убитыми, а война въ общей сложности обошлась въ 760 милліардовъ золотыхъ марокъ¹⁾.

И что же получилось въ результатъ этого необычнаго уничтоженія накопленныхъ человѣчествомъ богатствъ и этой невиданной человѣческой бойни? Была ли достигнута всеобщая справедливость, созданъ ли былъ вѣчный міръ, что выиграла народы, принимавшіе участіе въ этомъ грандіозномъ мировомъ катаклизмѣ? вмѣсто всеобщаго успокоенія, установленія мировой справедливости, получился европейскій хаосъ, создалась необычайно напряженная мировая атмосфера всеобщаго недоувѣрія и соперничества.

Для двухъ наиболѣе пострадавшихъ въ политическомъ отношеніи послѣ войны государствъ — Германіи и Россіи — война закончилась для первой — Версальскимъ миромъ, а для второй — Брестъ-Литовскимъ договоромъ и большевизмомъ.

Но какъ же обстоитъ дѣло съ тѣмъ лозунгомъ, который не разъ повторялся во время военныхъ дѣйствій, съ стремленіемъ къ тому, чтобы истекшая грандіозная война была „послѣдней“ войной, чтобы, если не уничтожились, то значительно сократились общіе расходы на вооруженіе? Дѣйствительность самымъ рѣзкимъ образомъ опровергла всѣ эти предположенія. Мы видимъ заключившую миръ Европу значительно болѣе вооруженной, чѣмъ это было до войны. Правда, побѣжденные въ войнѣ народы въ значительной степени обезоружены, но побѣдители, особенно самые маленькіе,

1) H i c k m a n n's geographisch-statistischer Universal-Atlas. 1921. Wien. Der Weltkrieg und seine Folgen. Болѣе точные расчеты даетъ E. L. B o g a r t въ своей книгѣ „War Costs and their Financing“. New-York, 1921, указывающій сумму въ 208.305.851.222 доллара; проф. E. S e l i g m a n, причисляя къ ней еще и расходы по демобилизаціи, даетъ цифру въ 232 милліарда долларовъ. См. E. S e l i g m a n. Essays in taxation (ed. 1921), ch. XXIV, p. 757. Выраженная въ золотыхъ маркахъ, эта общая стоимость войны колеблется отъ 744 до 833 милліардовъ золотыхъ марокъ. E. S c h u l z e. Die Zerrüttung der Weltwirtschaft, 2. Aufl. Berlin 1923, S. 43. Число убитыхъ значительно возрастетъ, если къ нимъ прибавить пропавшихъ безъ вѣсти и погибшихъ въ плѣну. Кроме того нужно имѣть въ виду еще и около 20 милліоновъ раненыхъ, изъ которыхъ около 50% лишены полностью или частично трудоспособности и могутъ считаться инвалидами. См. В. Н. Т в е р д о х л е б о в. Новѣйшіе финансовыя проблемы, Петроград, 1923, стр. 8.

вооружаются. Если исключить изъ счета Россію, то въ Европѣ сейчасъ оказывается въ два раза больше вооруженныхъ людей, чѣмъ до войны. Теперь всѣ побѣжденные народы имѣютъ подъ ружьемъ около 180 тысячъ человѣкъ, едва достаточныхъ для поддержанія внутренняго порядка, безъ артиллеріи, безъ танковъ, безъ авіаціи, безъ военныхъ школъ, безъ оружейныхъ заводовъ. Но зато Франція къ 1921 году насчитывала въ своей арміи болѣе 800 тысячъ человѣкъ, т. е. значительно больше, чѣмъ Германія имѣла до войны, при значительно меньшемъ числѣ французскаго населенія. Польша держала подъ ружьемъ послѣ войны отъ 400 до 600 тысячъ, маленькая Бельгія съ населеніемъ, равнымъ населенію Нью-Йорка или Лондона, довела свою армію до 113 тысячъ, Чехо-Словакія имѣетъ войско въ 150 тысячъ, а Юго-Славія — въ 120 тысячъ, Румынія насчитываетъ въ своей арміи до 160, а Греція даже болѣе 400 тысячъ человѣкъ. Мы не говоримъ уже о Совѣтской Россіи, гдѣ въ послѣднее время численность красной арміи была какъ будто бы уменьшена до 500 съ лишнимъ тысячъ, но по временамъ она доходила, вѣроятно, до 1 милліона.

Это сухопутныя арміи, но еще болѣе страннымъ представляется то, что въ самой коварной формѣ растутъ морскія вооруженія, главнымъ образомъ, количество подводныхъ лодокъ, строительство которыхъ какъ будто еще усилилось послѣ Вашингтонской конференціи (въ концѣ 1921 г.), посвященной ограниченію морскихъ вооруженій. Растетъ и воздушный флотъ, въ отношеніи котораго Франція занимаетъ въ Европѣ первое мѣсто. Удѣляется съ каждымъ днемъ все болѣе вниманія и изобрѣтательности по созданію удушливыхъ газовъ и вообще химическихъ способовъ веденія будущей войны.

Европа и весь міръ все болѣе вооружаются! ¹⁾

Рядомъ съ такимъ колоссальнымъ ростомъ вооруженій въ Европѣ создалось послѣ войны необычайно тяжелое экономическое положеніе, которое съ полнымъ правомъ можно назвать экономическимъ хаосомъ. Этотъ хаосъ захватилъ не въ меньшей мѣрѣ побѣдителей, чѣмъ побѣжденных, также какъ и нейтральныя страны. Можно сказать, что во всей континентальной Европѣ нѣтъ ни одной страны, которая

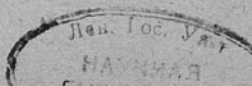
1) Нитти. Европа безъ мира. Изд-во „Волга“, Берлинъ, стр. 113—115 и Егo же, Европа надъ бездной. Берлинъ. Стр. 255—258 и 322.

бы не чувствовала полѣдствій войны, но все въ большей мѣрѣ каждая изъ нихъ чувствуетъ гнетъ наступившаго мира. Расходы, все время растущіе, вызываютъ каждый день новый беспорядокъ въ денежномъ обращеніи и цѣнахъ.

Элементарнымъ принципомъ экономической науки является положеніе, согласно которому нельзя продавать, не покупая, и нельзя покупать, не продавая. Въ условіяхъ денежнаго капиталистическаго хозяйства обмѣнъ является основой производства. Между тѣмъ этотъ обмѣнъ въ настоящее время нарушился, а вмѣстѣ съ нимъ нарушилось то правильное экономическое кровообращеніе въ организмѣ мірового хозяйства, которое одно только обезпечивало въ немъ правильный обмѣнъ веществъ.

43698
Это приостановленіе обмѣна объясняется цѣлымъ рядомъ причинъ. Въ прежнее время крупнѣйшими покупателями Америки были европейскія страны, теперь покупательная сила Европы, т. е. самага большого потребительнаго рынка, сильно уменьшилась, такъ же какъ и ея производство, и соотвѣтственно сократилась производительная способность внѣ-европейскихъ странъ. Такимъ образомъ, разстройство производства въ побѣжденныхъ странахъ нарушаетъ хозяйственную жизнь побѣдившихъ и нейтральныхъ государствъ европейскаго континента и даже внѣ-европейскихъ странъ. Можно сказать, на примѣръ, что потребленіе всей Европы, взятой въ цѣломъ, свелось къ 30—40% нормальнаго. Въ экономической жизни большинства странъ мы видимъ съ одной стороны кризисъ перепроизводства, съ другой — товарный голодъ; во всей экономической жизни наблюдается полная потеря равновѣсія.

Составъ населенія всѣхъ воевавшихъ странъ поразительно ухудшился. Убитые представляли собой не только самые сильные элементы населенія, но и морально наиболѣе цѣнные: тѣ, которые во время войны не уклонялись отъ военной службы и показали примѣръ наивысшаго самоотреченія. Оставшееся въ живыхъ населеніе является значительно ослабленнымъ перенесенными невзгодами военнаго времени и необычайно усилившимися эпидеміями. Послѣ войны большія эпидеміи тифа, оспы, холеры, инфлуэнцы опустошали восточную Европу, въ центральныхъ странахъ распространяется туберкулезъ, а въ южной Европѣ, кромѣ увеличенія туберкулеза, произошло усиленіе маляріи и трахомы. Мы

знаемъ, напримѣръ, что въ центральной Европѣ существуетъ много городовъ, въ которыхъ смертность отъ туберкулеза удвоилась, утроилась, и все население находится подъ постоянной угрозой.

Ухудшеніе состава населенія Европы съ экономической точки зрѣнія выражается еще всѣмъ извѣстнымъ изъ статистики населенія фактомъ преобладанія почти во всѣхъ европейскихъ странахъ женщинъ надъ мужчинами и уменьшеніемъ послѣ войны мужского населенія въ наиболѣе рабочемъ возрастѣ, отъ 20 до 39 лѣтъ. Наряду съ этимъ нужно еще отмѣтить во всѣхъ странахъ, вышедшихъ изъ войны, относительно рабочаго класса, — состояніе неуравновѣшенности, уменьшеніе желанія работать и ухудшеніе качества работы¹⁾.

Если, какъ мы уже отмѣчали, способность потребления Европы уменьшилась, по крайней мѣрѣ, на 30%, а способность производства, по крайней мѣрѣ, на 40%, что свидѣтельствуетъ о значительномъ обѣднѣніи послѣ войны, то это нисколько не препятствуетъ идущему параллельно съ обѣднѣніемъ увеличенію расточительности. Последняя развивается почти вездѣ послѣ войны подъ вліяніемъ, съ одной стороны, новыхъ народныхъ теченій, а съ другой — крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, многіе изъ которыхъ болѣе всего выиграли отъ войны и тонутъ въ изобиліи денежныхъ средствъ²⁾. Затрудненія торговаго обмѣна между различными странами, о которыхъ мы уже упоминали выше, происходятъ не только отъ измѣненія условій производства и потребления, но не въ меньшей степени — еще и отъ того явленія, которое носитъ названіе валютнаго хаоса. Послѣ войны, вмѣсто прежняго болѣе или менѣе постояннаго соотношенія между денежными валютами различныхъ странъ, допускавшаго только очень незначительныя колебанія, обнаружилась какая-то бѣшеная скачка, приближающая биржевые бюллетени къ сейсмографическимъ записямъ во время бури. Это вѣчно мѣ-

1) См. относительно уменьшенія количества работы при параллельномъ повышеніи оплаты труда у A. Liesse въ сборникѣ „Les conséquences de la guerre“, Paris (Alcan) 1921, pp. 112—113.

2) Нитти. Европа надъ бездной, стр. 278—321 passim. Относительно уменьшенія міроваго торговаго оборота см. E. Schulze, о. с. S. 320—336. Последній говоритъ по этому поводу объ извѣстной „Verarmungskonjunktur“, захватившей весь земной шаръ (S. 335).

няющееся соотношеніе валютъ, когда однѣ изъ нихъ ходять съ большой преміей, а другія обезцѣниваются до ничтожныхъ предѣловъ, дѣлаютъ совершенно невозможными кредитныя сдѣлки, подрываетъ устойчивость торговаго и промышленнаго оборота, затрудняетъ заключеніе договоровъ всякаго рода и порождаетъ отчаянную биржевую игру. Въ одной изъ своихъ рѣчей, посвященной безработицѣ, Ллойдъ-Джорджъ въ Инвернесѣ, осенью 1921 года, остроумно замѣтилъ по поводу рѣзкихъ колебаній валюты, что торговать и заключать договоры, при наличіи такого валютнаго хаоса, все равно, что играть на океанскомъ пароходѣ, во время бури, на биллиардѣ: не знаешь, куда попадетъ шаръ и не упадетъ ли онъ, что всего вѣроятнѣе, на полъ. — Почти всѣ валюты послѣ войны вышли съ бѣльшимъ или меньшимъ ущербомъ, за очень немногими исключеніями. Въ наибольшей степени удержалъ свою позицію американскій долларъ, сдѣлавшійся влѣдствіе этого руководящей денежной единицей. Даже фунтъ стерлинга, особенно въ первое послѣвоенное время, оказался значительно уцербленнымъ. По этому поводу можно вспомнить довольно характерную англійскую карикатуру. На скамьѣ бульвара сидятъ два старика, — одинъ безъ руки, другой — безъ ноги. Это — мистеръ франкъ и мистеръ фунтъ. Ихъ наемѣшливо спрашиваетъ джентльмэнъ съ лицомъ, блестящимъ какъ долларъ: „что это у васъ, старички, такой скучный видъ? Въ чемъ дѣло?“ Старички отвѣчаютъ: „Да такъ, сыночекъ, поцарапали немного во Франціи. Развѣ ты не помнишь?“ . . . Но долларъ „не помнитъ“, положеніе его блестящее и онъ почти повсюду ходитъ съ преміей¹⁾.

Если даже самыя прочныя валюты послѣ войны потерпѣли нѣкоторый ущербъ, то другія оказались въ гораздо худшемъ положеніи. Это касалось какъ лагеря побѣжденныхъ, такъ и побѣдителей. Французскій франкъ, напримѣръ, послѣ войны оказался надолго искалѣченнымъ. То же можно сказать и о бельгійскомъ франкѣ. Что касается многихъ другихъ валютъ, то о нихъ теперь не приходится много распространяться. Ихъ исторія представляетъ собой невиданную до сихъ

1) Хотя и долларъ къ концу войны потерялъ, напр., по отношенію къ швейцарскому франку значительную часть своей цѣнности. См. *Schulze. Die Zerrüttung etc.* S. 450, 457—58.

поръ картину невѣроятнаго обезцѣненія. Колоссальное паденіе цѣнностей необычайно возросшей лавины бумажно-денежнаго обращенія испыталъ цѣлый рядъ странъ: Австрія, Польша, Германія, не говоря уже о Совѣтской Россіи. Дѣйствительность въ этой области опрокинула даже предположеніе, что бумажная валюта можетъ упасть до цѣны бумаги, употребленной на изготовленіе денежныхъ знаковъ. Такъ, напримеръ, относительно польской марки въ свое время высчитывали (осенью 1921 года), что 14000 марковыхъ билетовъ, если ихъ брать по вѣсу, какъ бумагу, будутъ стоить 50 шиллинговъ, въ то время какъ въ польскихъ денежныхъ знакахъ они стоятъ по курсу всего только 20 шиллинговъ ¹⁾.

Теперь мы достаточно хорошо знаемъ то головокружительное паденіе, которое прорѣзала германская марка. Съ конца перваго года войны до конца 1918 г. она опускалась медленно, съ 92 до 53 золотыхъ пфенниговъ. Затѣмъ она упала къ концу 1919, 1920 и 1921 г. г. до 9, 6 и $2\frac{1}{4}$ пфенниговъ, а въ 1922 году докатилась до $\frac{8}{100}$, въ концѣ же 1923 г. стоила только $\frac{1}{10000000000}$ пфеннига, при чемъ со дня на день считались съ ея дальнѣйшимъ обезцѣненіемъ. Если взять за мѣрило американскій долларъ, то въ 1923 году за 100 германскихъ марокъ платили только 0,000000024 (24 миллиардныхъ) доллара. Такое невиданное обезцѣненіе имѣло мѣсто въ Германіи, гдѣ долгое время широкія массы были увѣрены, слыша о положеніи въ Австріи и Совѣтской Россіи, что „bei uns so etwas nicht möglich ist“. Это гордое „bei uns“ сначала, правда, нѣсколько замедлило процессъ паденія, но затѣмъ, начиная съ извѣстнаго пункта, необычайно его ускорило, превративъ вѣтеръ въ бурю, бурю — въ ураганъ или циклонъ.

Можно себѣ представить, какъ при этихъ условіяхъ поднялись цѣны, въ какомъ положеніи очутился кредитъ, когда торговцы, занимавшіе деньги для пополненія своихъ запасовъ, должны были платить 15, 20 и даже 30% за одинъ день ²⁾.

Свои личныя впечатлѣнія отъ тогдашняго Берлина лѣтомъ и осенью 1923 года я описалъ въ газетной статьѣ „Берлинъ

1) М. И. Боголепов. Валютный хаос. Петроград, 1922, стр. 17, 33 и passim.

2) „Deutschland und Frankreich,“ hrsg. v. R. Kuczinsky, Berlin, 1922, S. 11, 43.

во власти доллара¹⁾“. Я позволяю себѣ привести оттуда небольшую выдержку. — „Wie steht heute der Dollar?“ Это вопросъ, который занимаетъ всякаго берлинца. Разворачивая утреннюю газету, всѣ прежде всего ищутъ курсъ иностранной валюты. О долларѣ и его цѣнѣ говорятъ люди, прежде и не представлявшіе себѣ сколько-нибудь ясно колебаній международнаго курса, да и теперь не очень-то ясно отдающіе себѣ отчетъ о его причинахъ и характерѣ. Мелкіе лавочники, кухарки, чистильщики сапогъ, бѣдныя хозяйки изъ демократическихъ кварталовъ Берлина — всѣ интересуются курсомъ доллара и говорятъ о немъ. Не думайте, что я привелъ чистильщика сапогъ только случайно, для полноты картины. Нѣтъ, цѣна чистки сапогъ на улицѣ колеблется ежедневно въ зависимости отъ курсовой расцѣнки марки и, когда чистильщика сапогъ спрашиваютъ, почему же сегодня чистка сапогъ стоитъ 10 тысячъ, когда еще вчера она стоила 7¹/₂, то онъ спокойно отвѣчаетъ: „Aber der Dollar ist gestiegen!“ Въ очередяхъ или хвостахъ (Берлинъ снова переживалъ это явленіе, столь обычное во время войны), стоящихъ у лавокъ за масломъ или картофелемъ, разговоры вертятся вокругъ растущей дороговизны, того, что нигдѣ нельзя достать многихъ припасовъ, и . . . растущей цѣны доллара.

Можно сказать, что Германія въ то время не имѣла собственной валюты. Германская марка сдѣлалась условнымъ расчетнымъ знакомъ, единицей опредѣленнаго счета, но не деньгами, выполняющими функцію „мѣрила цѣнности“. На марку ничего нельзя разсчитать при ея непрерывномъ паденіи и, слыша тѣ или иныя цѣны въ магазинахъ, гостинницахъ, ресторанахъ, приходится сейчасъ же въ умѣ производить переводъ на какую-либо твердую валюту: доллары, фунты, швейцарскіе франки, — наиболѣе часто на доллары. Если съ этимъ обстоятельствомъ — паденіемъ марки — считается широкая публика, то еще болѣе, конечно, въ первую очередь съ нимъ считается торговля. Поэтому въ Берлинѣ нѣтъ сколько-нибудь не только постоянныхъ, но даже хотя бы въ малой степени устойчивыхъ цѣнъ. Цѣны мѣняются не только каждый день, но очень часто и въ теченіе одного дня . . . Сейчасъ мы видимъ безудержное и быстрое паденіе марки.

1) См. газету „Postimees“ № 213 отъ 14/VIII 1923 г.

Это какой-то водоворотъ, который уносить въ пучину безконечное количество свѣжеотпечатанной бумаги, которое не успѣваютъ изготовлять государственные печатные станки...

Такъ жила Германія въ 1923 году, въ періодъ катастрофическаго обезцѣненія своей бумажно-денежной валюты, превращавшейся въ „бумажное ничто“.

Въ противовѣсъ этому отчаянному положенію можно было бы думать, что страны съ высокой валютой благоденствуютъ и тонуть во всевозможномъ изобиліи, богатѣя день ото дня. Дѣйствительность опровергаетъ такое предположеніе. Высоковалютныя страны задыхались въ своемъ кажущемся благополучіи.

Страны съ низкой валютой производятъ дешевле, чѣмъ высоковалютныя, и ихъ товары на міровомъ рынкѣ имѣютъ вслѣдствіе этого болѣе легкій сбытъ. Эти товары усиленно ввозятся по низкимъ цѣнамъ въ страны съ высокой валютой, а товары послѣднихъ совершенно недоступны для странъ съ обезцѣненной валютой. Это обстоятельство очень тяжело отражается на промышленности странъ, работающихъ для сбыта¹⁾. Ихъ производство останавливается, туземные товары лежатъ непроданными, внутренній рынокъ заполняется продуктами иностраннаго производства, а въ связи съ этимъ необычайно возрастаетъ безработица. Наиболѣе характерною чертою этой послѣдней является то отмѣчаемое многими обстоятельство, что ею въ особенности сильно поражены тѣ страны, которыя обладаютъ высокою валютой. Долларъ, фунтъ стерлинговъ и швейцарскій франкъ въ списокѣ международныхъ курсовъ занимаютъ первыя мѣста. Одновременно Соединенные Штаты, Великобританія и Швейцарія являются странами особенно сильно пораженными безработицей²⁾. Эта послѣдняя превращается въ какой-то бичъ современной промышленной жизни. По минимальному подсчету, въ маѣ 1922 г., напримѣръ, въ Европѣ было около 4.000.000 безработныхъ, а во всемъ мірѣ — около 10.000.000. Въ дѣйствительности, конечно, безработныхъ —

1) E. Schulze. о. с. S. 534, 562—566, 568.

2) E. Schulze, о. с. S. 528. Хотя тотъ же проф. Schulze отрицаетъ точное процентное соотношеніе размѣровъ безработицы съ относительной высотой валютъ (S. 338 и 354), но все же нельзя отрицать, что наибольшее количество безработныхъ мы видимъ въ высоковалютныхъ странахъ; точнаго же соотношенія, конечно, нѣтъ, ибо на это явленіе вліяетъ еще много и другихъ факторовъ.

больше. И въ этой массѣ людей безъ работы лежитъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ замедленнаго возстановленія міра, истощеннаго необычайной войной. По поводу этихъ цифръ безработныхъ Франкъ Вандерлипъ въ одной изъ своихъ статей говоритъ, что, если къ безработнымъ присчитать и ихъ семейныхъ, то окажется, что безработица затронула непосредственные жизненные интересы населенія, превышающаго 30.000.000 человекъ. Получающійся вслѣдствіе этого дефицитъ производства тотъ же авторъ опредѣляетъ, для періода со дня перемирія до конца 1921 года, для Европы отъ 30 до 40 миллиардовъ золотыхъ франковъ, а для всего міра — даже 100 миллиардовъ. Вышеуказанное количество безработныхъ превышаетъ такое же довоеннаго времени, въ среднемъ, въ 6—8 разъ. Ничего подобнаго этой безработицѣ по своимъ размѣрамъ міръ еще до сихъ поръ никогда не видѣлъ¹⁾.

Послѣвоенное экономическое потрясеніе захватило не только побѣжденныхъ, но и побѣдителей, не только Европу, но и остальной міръ. Въ частности, произошло грандіозное перемѣщеніе цѣнностей между Европой и Америкой (Соедин. Штатами). До войны Америка была должникомъ Европы, послѣ войны на Европѣ оказался грандіозный американскій долгъ, достигающій болѣе 11¹/₂ миллиардовъ долларовъ. По другимъ расчетамъ онъ доходитъ до 12,7 и даже до 15 миллиардовъ долларовъ²⁾.

1) Боголепов. Европа во власти кризиса. Петербург, 1922, стр. 71. E. Schultze. op. cit., S. 336—361. Въ нѣкоторыхъ странахъ за этотъ періодъ по временамъ были безработными до 25% рабочихъ. „Deutschlands Wirtschafts-lage etc.“, zusammengestellt im „Statistischen Reichsamte“, Berlin, 1923, S. 58.

2) См. René Cassinelli. Les dettes interalliées. Paris, 1923., p. 14—15. W. Mautner. Die Verschuldung Europas. Frankfurt am M. 1923, S. 17, 26. „The Economist“, 4/IV 1925., p. 641. Если не считать англійскаго долга, относительно котораго между Англійей и Соединенными Штатами уже достигнуто особое соглашеніе, то долгъ 9 европейскихъ государствъ Америки составляетъ, въ общемъ, около 7 миллиардовъ долларовъ. Первое мѣсто среди этихъ должниковъ Америки занимаютъ Франція, Италия и Бельгія. По даннымъ министра финансовъ Соединенныхъ Штатовъ за Франціей числится 4.137 милліоновъ долларовъ, за Италией — 2.097 и за Бельгіей — 472 милліона. Долгъ Россіи, составляющій около 250 милліоновъ долларовъ, остается пока въ сторонѣ, ибо Соед. Штаты, не признавшіе до сихъ поръ Совѣтскаго Правительства, пока еще не обращались съ какими-либо разговорами по этому поводу къ представительству теперешней Россіи. См. газ. „Рулъ“. № 1359 отъ 24/V 1925 года. По вопросу о возникновеніи и

Грандіозный долгъ этотъ образовался потому, что Америка не только помогала европейскимъ государствамъ въ войнѣ, но и являлась для нихъ главнѣйшимъ поставщикомъ какъ вооруженія, такъ и средствъ пропитанія. Кромѣ того она и непосредственно ссужала ихъ необходимыми денежными средствами. Этотъ долгъ очень тяжелъ для европейскихъ государствъ, но создаетъ онъ затрудненія и самой Америкѣ, являясь своего рода барьеромъ при сбытѣ въ Европу американскихъ издѣлій, которыя оказываются слишкомъ дорогими для послѣдней, ибо Америка запружена деньгами, что поднимаетъ цѣны на ея внутреннемъ рынкѣ. Америка стала теперь главнымъ средоточіемъ золотыхъ запасовъ міра. Къ концу 1922 года (послѣднія числа сентября) золотой запасъ Соединенныхъ Штатовъ составлялъ около 4 миллиардовъ долларовъ¹⁾, т. е. около половины (47%) золотого запаса всего міра. Руководящая роль, которую раньше игралъ Лондонскій денежный рынокъ, перешла теперь къ Нью-Йорку. Въ Европѣ стало меньше чѣмъ прежде золота, но гораздо больше бумажныхъ денегъ. Въ связи съ послѣвоеннымъ ухудшеніемъ производства это вызвало необычайное вздорожаніе жизни. Если взять для Англии данныя Index-number'a „Economist'a“, то для начала 1925 года можно говорить о вздорожаніи жизни, по сравненію съ довоеннымъ временемъ, почти вдвое²⁾. И то же самое мы видимъ и въ другихъ странахъ³⁾, ибо вездѣ цѣны начинаютъ выравниваться по мировому рынку. Для большинства населенія жизнь стала дороже, а заработки — значительно ниже. Жить стало очень трудно!

ликвидациі военныхъ долговъ довольно много данныхъ имѣется въ книгѣ Jean Teillard. Les emprunts de guerre. Paris (F. Alcan) 1921.

1) 3,87 или даже 3,93 млд. долларовъ. См. W. Mautner, о. с. S. 26.

2) Если приравнять стоимость жизни въ 1914 году — 100, то въ декабрь 1924 года она выражается цифрой 189,3, а въ февраль 1925 года — 186. См. „The Economist“ 4/IV 1925, p. 648.

3) Даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ цѣны продуктовъ и вообще стоимость жизни въ настоящее время приближаются болѣе или менѣе къ цѣнамъ эпохи 1914 года, жить населенію стало дороже вслѣдствіе относительнаго пониженія заработковъ. См. Die Wirtschaftskurve der Frankfurter Zeitung, 1925, Heft 1, и также A. Tooms. Elumaksumus. Coût de la vie, Tallinn, 1925. По даннымъ „Wirtschaft und Statistik“ № 9, Maiheft 1925, стоимость жизни въ Германіи въ апрѣль была выше довоеннаго времени почти на 37 процентовъ (136,7 противъ 100 въ 1913/14 г.).

III.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній, касающихся положенія всей Европы, перейдемъ къ положенію тѣхъ двухъ странъ; интересы которыхъ войной особенно рѣзко противопоставлены другъ другу: Германіи и Франціи.

Положеніе Германіи послѣ войны опредѣляется Версальскимъ договоромъ. О немъ существуетъ уже сейчасъ громадная литература. Было бы слишкомъ долго останавливаться на подробномъ разсмотрѣніи его частныхъ. Достаточно свести ихъ къ самому главному. Договоръ лишаетъ Германію болѣе чѣмъ трехъ четвертей желѣзныхъ рудниковъ, отъ которыхъ до сихъ поръ зависѣла германская промышленность, лишаетъ ее значительной части каменнаго угля, отнимаетъ у нея главные источники цинка, поташа, обширную часть посѣвной площади, лишаетъ Германію всѣхъ ея колоній, всѣхъ большихъ океанскихъ пароходовъ, громаднаго количества подвижнаго состава — 5000 локомотивовъ и 150.000 вагоновъ, передаваемыхъ союзникамъ, ставитъ подъ контроль союзниковъ рѣчныя сообщенія и рѣчную торговлю Германіи, подчиняетъ особымъ требованіямъ заграничную торговлю и отчасти внутреннюю промышленность, наконецъ требуетъ, что вызвало, несмотря на относительную ея второстепенность, особенно много разговоровъ въ печати, — передачи 140.000 дойныхъ коровъ и большого количества земледѣльческихъ орудій. Въ заключеніе же всѣхъ этихъ требованій договоръ налагаетъ на Германію такую контрибуцію, которая могла бы быть выплачена лишь при наивысшей производительности національной промышленности и при значительно болѣе обширной иностранной экспортной торговлѣ, чѣмъ та, которая была у Германіи до всѣхъ перечисленныхъ выше потерь и ограниченій¹⁾. Все это приводитъ Германію къ необычайной дезорганизации и создаетъ положеніе, характеризуемое извѣстнымъ американскимъ банкиромъ Вандерлипомъ, описывающимъ впечатлѣніе одного изъ своихъ дѣловыхъ друзей, голландскаго банкира, который „поднялъ свои руки въ отчаяніи“

1) Norman Angell. Версальскій миръ и экономическій хаосъ въ Европѣ. Пер. Ханох, Петербург, 1922, стр. 33—46. Болѣе подробно у J. M. Keynes. Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages, München. 1921, S. 50—90.

отъ такой постановки вопроса о возмѣщеніи убытковъ и сказалъ: „они хотятъ доить корову и въ то же время ее убиваютъ“¹⁾.

Но, конечно, какъ ни тяжелы вышеуказанныя первыя условія Версальскаго мира, самымъ тяжелымъ и трудно исполнимымъ является послѣднее — именно непомерная контрибуція, возложенная на Германію.

Версальскій мирный договоръ сначала исходилъ изъ словъ, вставленныхъ въ условія перемирія: „réparation des dommages“. Но при выработкѣ договора положеніе совершенно измѣнилось, стали говорить не только о вознагражденіи за убытки, но и о возмѣщеніи военныхъ расходовъ. Впослѣдствіи къ этому присоединились еще и суммы по уплатѣ пенсій семьямъ лицъ, погибшихъ на войнѣ, и возмѣщеніе пособій, выдававшихся во время войны семьямъ мобилизованныхъ. Создавалось представленіе о какихъ-то совершенно невѣроятныхъ суммахъ, получавшихся въ итогѣ этихъ расчетовъ. Общая сумма доходила приблизительно до 1000 миллиардовъ франковъ. Такъ какъ эта сумма не могла быть уплачена одновременно и уплата ея растягивалась на 50 лѣтъ, то, если считать погашеніе капитала и проценты, получалась астрономическая цифра въ 3.000 миллиардовъ.

Когда я еще въ Совѣтской Россіи, по совѣтскимъ газетамъ, ознакомился съ первыми предположеніями относительно германскихъ репараціонныхъ платежей, я не повѣрилъ своимъ глазамъ. Я сомнѣвался либо въ точности передачи совѣтской печати, либо думалъ, что дальнѣйшія разъясненія сведутъ эти невѣроятныя цифры къ чему-либо болѣе нормальному. Для всякаго сколько-нибудь освѣдомленнаго экономиста было ясно, что говорить о такихъ цифрахъ серьезно, является абсурдомъ.

Міръ былъ охваченъ какимъ-то безуміемъ, а руководящія лица въ европейской или даже скорѣе міровой политикѣ обнаружили необычайное и непростительное незнакомство съ экономическими законами и полную слѣпоту въ отношеніи вопросовъ соціальной справедливости²⁾.

1) F. Vanderlip. Was aus Europa geschehen ist. München, 1921, S. 73.

2) Vanderlip, Was aus Europa geschehen ist, 198—199.

Германія должна была платить свой репараціонный долгъ деньгами и товарами. Для этой цѣли былъ выработанъ цѣлый рядъ плановъ, постепенно измѣнявшихся. Германія сразу же принуждена была подчиниться суровымъ постановленіямъ Версальскаго договора, хотя, очевидно, не имѣла возможности, да и не собиралась, повидимому, его исполнять.

Это было, въ концѣ концовъ, понято отчасти самими союзниками, шедшими навстрѣчу затруднительному положенію Германіи. Вся дальнѣйшая исторія безчисленныхъ конференцій представляетъ постепенное сокращеніе предъявляемыхъ къ Германіи требованій, которыя второй Лондонской конференціей (29/IV — 5/V 1921 г.) были сведены къ 132 миллиардамъ золотыхъ марокъ за вычетомъ нѣкоторыхъ произведенныхъ уже выплатъ и зачетомъ стоимости переданныхъ государственныхъ имуществъ¹⁾. Въ дальнѣйшемъ были выдвинуты новыя облегченія, а нѣкоторые авторы сводили цифру возможныхъ для Германіи платежей къ еще гораздо менѣе значительнымъ размѣрамъ. Такъ, извѣстный Кэйнсъ считалъ, что убытки, причиненные войной, не превышаютъ 53 миллиардовъ золотыхъ марокъ, и что только такую приблизительно сумму можно требовать съ Германіи, Нитти сводилъ ее даже только къ 40 миллиардамъ.

Въ противовѣсъ къ этимъ болѣе осторожнымъ расчетамъ, и въ Англии, гдѣ, впрочемъ, иллюзіи были скоро разсѣяны, и во Франціи, гдѣ онѣ до сихъ поръ еще держатся, увѣряли публику, что Германія въ состояніи уплатить, въ большей части, по крайней мѣрѣ, военные расходы и, во всякомъ случаѣ, — возмѣстить убытки²⁾.

Сколько же до сихъ поръ Германія фактически заплатила союзникамъ? Отвѣтить на этотъ вопросъ сейчасъ почти невозможно, такъ какъ расчеты и утвержденія обѣихъ спорящихъ сторонъ черезчуръ расходятся. Въ то время какъ, напримѣръ, германское правительство утверждаетъ, что оно заплатило уже въ 1922 году 22¹/₂ миллиарда (22.440 миллионѣвъ), по другимъ даннымъ — даже почти 43 миллиарда золотыхъ марокъ, —

1) Die Entwicklung der Reparationsfrage. Chronik des wirtschaftlichen Niedergangs in Deutschland. Berlin 1923, S. 18—19, и В. Н. Твердохлебов. Новейшіе финансовыя проблемы. Петроград, 1923, стр. 28—29.

2) Нитти. Европа безъ мира, стр. 166.

комиссія по репараціямъ считаетъ этотъ расчетъ совершенно ошибочнымъ и приводитъ цифру (включаящую поставки натурой и денежные платежи) менѣ чѣмъ въ 8 миллиардовъ (7.927 миллионѡвъ). Такое-же мнѣніе высказывалъ и бывший французскій министръ Лушеръ, утверждавшій, что Германія заплатила отъ 8 до 10 миллиардовъ золотыхъ франковъ. Въ общемъ, даже и въ самой Германіи никто не указалъ, сколько же въ дѣйствительности заплачено наличными¹⁾.

Германія и не торопилась платить. Правда, положеніе ея было достаточно тяжелымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ она несомнѣнно желала оттягивать, по возможности, исполненіе принятыхъ на себя обязательствъ. Это было ясно не только для Франціи, бывшей въ этомъ отношеніи, можетъ быть, черезчуръ пристрастной, но и для Англии и Америки. Въ послѣдней, напри- мѣръ, шутили, что „Германія повидимому интересуется всѣмъ, чѣмъ угодно, только не своими долгами“, „репараціонная сумма, которую Германія согласна заплатить, составляетъ круглымъ счетомъ 00.000.000.000 марокъ“, „Германія должна намъ 1.479.064.313 долларѡвъ и 92 цента. Быть можетъ удастся намъ получить отъ нея эти 92 цента²⁾“.

1) M. Harden o. c., S. 49—50. Въ вопросѣ о томъ, сколько Германія до сихъ поръ заплатила, данныя и расчеты очень расходятся. Statistisches Reichsamt указываетъ къ концу 1922 года сумму въ 42,77 миллиарда, которая составляется изъ выдачъ по репараціямъ — 36,798 млрд., текущихъ выдачъ — 3,752 млрд. и платежей наличными — 2,230 млрд. Проф. E. Schulze приводитъ даже бѡльшую сумму, указывая, что уже къ маю 1922 года было уплачено 45,6 миллиардовъ золотыхъ марокъ, при чемъ платежей наличными въ этой суммѣ даже значительно меньше — 1,3 миллиарда. По расчетамъ H. G. Moulton'a и C. E. McGuire'a, при наибѡлье благопріятномъ для Германіи толкованіи и оцѣнкахъ, эта сумма доходитъ только до 25,791 миллиардовъ. M. Harden, какъ мы видѣли въ текстѣ, приводитъ официальную цифру въ 22,440 млрд., комиссія же по репараціямъ насчитываетъ къ тому же сроку только 7,927 миллиардовъ. См. „Deutschlands Wirtschaftslage unter den Nachwirkungen des Weltkrieges“ zusammengestellt im Statistischen Reichsamt. Berlin 1923, E. Schulze, Die Zerrüttung etc., S. 471. Harald G. Moulton and Constantin E. McGuire, Germany's Capacity to Pay. New-York 1923, „Deutschland und Frankreich“, 1924, S. 137, 145—150. Всѣ эти разногласія происходятъ отъ того, что въ приводимыхъ расчетахъ вполне безспорными можно признать лишь платежи наличными, все же остальное зависитъ отъ того, какъ считать и расцѣпывать передаваемые имущественныя цѣнности.

2) Deutschland und Frankreich, 389—390.

Вмѣсто платежей Германія усиленно печатала новыя бумажныя марки и создавала невѣроятный инфляціонный хаосъ, позволявшій необычайно наживаться отдѣльнымъ спекулянтамъ. Среди разоренія, созданнаго войной и ея послѣдствіями, создавались и увеличивались крупнѣйшія состоянія отдѣльныхъ счастливицевъ, среди всеобщей нужды развивалось необычайное мотовство и прожиганіе жизни¹⁾.

При такихъ условіяхъ Франція прибѣгла (11/1 23 г.) для полученія реальныхъ гарантій къ оккупациі Рура, вызвавшей чрезвычайное возмущеніе въ Германіи и длительную попытку „пассивнаго сопротивленія“, поведшую къ новымъ и новымъ выпускамъ бумажныхъ денегъ и къ полнѣйшему ихъ обезцѣненію. Оккупациа Рура не дала Франціи реальныхъ финансовыхъ выгодъ, но и германское пассивное сопротивленіе не привело ни къ какому результату, давъ только возможность дальнѣйшаго обогащенія инфляціонистамъ.

Съ одной стороны говорились громкія слова о томъ, что „wir müssen aushalten“, а съ другой — все спекулировало: графы и дворники, директоръ департамента и ремесленный ученикъ, его прѣвосходительство и мальчишка у лифта, салонъ и кухня, барышня-аристократка и уличная дѣвица. Немудрено, что, видя все это, заграница предполагала здѣсь извѣстную злонамѣренность — „camouflage allemand“ — сознательное разрушеніе государственнаго хозяйства для выгодъ частнаго...

Съ тѣхъ поръ положеніе успѣло измѣниться къ лучшему. Рурская оккупациа (за исключеніемъ Кѣльнской зоны) болѣе или менѣе улажена, германская марка стабилизирована, выдвинутъ и принятъ проектъ репараціонныхъ платежей Дауса. Но, все же, противоположность интересовъ двухъ прежнихъ противниковъ — Германіи и Франціи — въ значительной степени осталось.

Каковы же тѣ причины, которыя привели къ такому обостренію послѣвоенныхъ отношеній, какое мы видимъ и которое вызывало громкіе вопли негодованія въ нѣмецкой печати и создало цѣлую литературу, защищавшую несправедливо поправные интересы Германіи? — Правильное подведеніе итоговъ послѣ войны было затруднено, въ первую очередь,

1) См. P. Ufermann. Könige der Inflation. 2. Aufl. Berlin 1924; R. Lewinsohn. Die Umschichtung der europäischen Vermögen. Berlin 1925; E. Schulze. Not und Verschwendung, B. I. Leipzig 1923.

тѣмъ, что главный побѣдитель велъ ее только на своей территории, а главный побѣжденный почти исключительно — на чужой, и что бывшіе союзники послѣдняго ничего не могутъ дать для дѣла репарации, почему Германіи и приходится одной расплачиваться за всѣ протори и убытки.

Но подъ громкій шумъ возмущенія по поводу несправедливостей, чинимыхъ Франціей относительно Германіи, какъ то позабылись или вообще потускнѣли тоже яркіе факты недавняго прошлаго: нарушение Германіей бельгійскаго нейтралитета, примѣненіе удушливыхъ газовъ, беспощадная подводная война съ варварскимъ потопленіемъ не только коммерческихъ, но даже пассажирскихъ и госпитальныхъ судовъ и, наконецъ, заключеніе съ Россіей пресловутаго Брестъ-Литовскаго мира послѣ насажденія въ ней большевизма. Брестъ-Литовскій договоръ, какъ это было ясно при его заключеніи, представлялъ собою петлю, надѣтую на шею обезсилѣнной Россіи, превращалъ эту послѣднюю въ одну изъ колоній Германіи, и русскіе люди, при его наличіи, фактически теряли свою свободу въ смыслѣ свободы экономическаго развитія и возрожденія своей страны.

Стоитъ только на основаніи этого примѣра подумать, каковы были бы мирные договоры, если бы Германія побѣдила, и въ какой мѣрѣ въ нихъ отразился бы столь попираемый теперь принципъ международной справедливости¹⁾.

1) По мнѣнію Уэллса, миръ въ Брестъ-Литовскѣ (2/III. 18 г.) далъ западнымъ союзникамъ нѣкоторое представление о томъ, что означала бы для нихъ побѣда Германіи. „Это былъ жестокой и до крайности угнетающій миръ, продиктованный съ чрезвычайной дерзостью самоувѣренныхъ побѣдителей“. См. Уэллс о. с., стр. 59.

Теперь въ Германіи, особенно съ появленіемъ въ ней реакціи, выдвигается тезисъ о полной невинности Германіи въ войнѣ. Нужно только спросить, что если бы Германія вмѣсто пораженія оказалась побѣдительницей, что и тогда оставалось бы въ силѣ утверженіе, что Германія не хотѣла войны, что на нее напали? Нѣтъ, тогда руководители нѣмецкой политики типа генерала Людендорфа вездѣ говорили бы, кричали, заявляли, что это они въ теченіе долгихъ лѣтъ подготовляли побѣдоносную войну и привели ее къ удачному концу. V. Basch. „Deutschland und Frankreich“, Neue Folge, S. 109. Говоря это, мы весьма далеки отъ признанія значенія пресловутой 231 статьи Версальскаго договора, въ которой Германія, подъ давленіемъ союзниковъ, вынуждена была признать свою преимущественную вину въ истекшей войнѣ. Эта статья представляеть собой почти неприкрытое и ненужное насиліе надъ побѣжденнымъ врагомъ.

Французы стоятъ въ настоящее время на формальной точкѣ зрѣнія. Германія подписала договоръ, она обязалась платить и уклоняется отъ законныхъ платежей. Таковъ смыслъ многихъ французскихъ нотъ и заявленій¹⁾. Въ нихъ повторно подчеркивается невыполненіе Германіей принятыхъ обязательствъ. — Такое уклоненіе начинается признаваться и въ самой Германіи, какъ показываютъ раздающіеся въ послѣднее время голоса, призывающіе къ болѣе трезвой оцѣнкѣ событій. Въ нихъ, между прочимъ, указывается и не разъ приводившееся съ французской стороны сравненіе теперешняго положенія съ временемъ послѣ франко-прусской войны, когда значительная часть Франціи была занята прусскими войсками, а Бисмаркъ не уставалъ повторять, что Франція не хочетъ платить, что она готовитъ новую войну, и ему приходится поэтому держать въ своихъ рукахъ опредѣленные залого. Многое изъ тогдашнихъ событій и разговоровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ совершенно напоминаетъ теперешнее положеніе, только съ обратнымъ распредѣленіемъ ролей. Почитайте Ганото (Hanotaux, „La France contemporaine“), воспоминанія фельдмаршала графа Вальдерзее („Denkwürdigkeiten des Feldmarschalls Alfred Grafen von Waldersee“). — Франція, побѣжденная, угрожаемая новыми „санкціями“, начатіемъ военныхъ дѣйствій, по возможности быстро и предупредительно выполняла взятая на себя обязательства. Контрибуція по своимъ размѣрамъ далеко не соответствовала стоимости военныхъ расходовъ. Эти послѣдніе извѣстный германскій экономистъ Адольфъ Вагнеръ опредѣлялъ въ полтора миллиарда, въ то время какъ Германія потребовала съ побѣжденнаго противника болѣе чѣмъ въ три раза болѣшую сумму — пять миллиардовъ франковъ, что дало основаніе тому же Вагнеру утверждать, что Франція наказана конфискаціей значительной части своего національнаго имущества. Черезъ четыре недѣли послѣ заключенія мира французскому парламенту былъ предложенъ планъ заключенія внутренняго займа, принятый единогласно. Черезъ три недѣли послѣ этого кассы были открыты для подписчиковъ займа; 331.906 человекъ явились къ нимъ и подписали почти 5 миллиардовъ, когда для перваго взноса нужно было всего 2¹/₄. Пятого сен-

1) Хотя бы ноты отъ 6/V 23 г.

тября 1873 года, за восемнадцать мѣсяцевъ до истечения срока, былъ заплаченъ послѣдній миллиардъ, и французская территорія очищена отъ вражескихъ войскъ. Что, если бы въ то время парижское правительство, подобно берлинскому въ настоящее время, предоставило все естественному теченію, ожидая наступленія какого-то чуда, не произошло ли бы тамъ въ маленькихъ размѣрахъ того, что въ большихъ — на нашихъ глазахъ переживала Германія? ¹⁾

Франція страдаетъ отъ послѣдствій вчерашняго дня и боится завтрашняго ²⁾. Ея положеніе во многихъ отношеніяхъ отчаянное и требованія ея являются результатомъ крайней финансовой и экономической нужды. Не нужно забывать перенесенныхъ ею несчастій и созданныхъ ими послѣдствій, тяжело давящихъ на ея настоящее.

Стоитъ только подумать о такихъ фактахъ, рисующихъ положеніе послѣвоенной, побѣдоносной Франціи. Ея населеніе по сравненію съ предвоенной эпохой уменьшилось приблизительно, если не принимать въ счетъ Эльзась-Лотарингію, — на 2 милліона, а со включеніемъ даже и этой послѣдней все же — почти на $\frac{1}{2}$ милліона. Военными дѣйствіями опустошены 10 провинцій — 3,3 милліона гектаровъ земли (3.306.350), разрушено около 750 тысячъ домовъ (741.993), разрушено и повреждено почти 23 тысячи (22.900) заводскихъ предпріятій и истрчено на дѣло возстановленія всѣхъ этихъ военныхъ ущербовъ, по французскимъ разсчетамъ, 102 миллиарда франковъ ³⁾. О томъ, что Франція понесла чрезвычайно тяжелый ущербъ отъ войны, о размѣрахъ произведенныхъ въ ней опустошеній, мы можемъ найти цѣлый рядъ безпристрастныхъ сообщеній со стороны лицъ, настроенныхъ далеко не франкофильски и видѣвшихъ эти разрушенія почти немедленно послѣ прекращенія военныхъ

1) M. Harden, о. с. S. 6—21.

2) Въ качествѣ образчика такихъ опасеній за завтрашній день, съ военной точки зрѣнія, можно указать изъ обширной литературы хотя бы на книгу генерала Maitrot. *La prochaine guerre*. Paris 1921. (Alcan).

3) См. по этому поводу официальный документъ Ministère des régions libérées. „L'oeuvre de la reconstitution.“ Statistique au 1-er avril 1923. Извѣстный французскій статистикъ E. Michel даетъ даже нѣсколько большія цифры. См. E. Michel. *La valeur immobilière du territoire français envahi*. Paris, 1920 и Его же. *La reconstitution des régions libérées et les dommages de guerre*. Paris, 1921.

дѣйствій. Это отмѣчалось, между прочимъ, и далеко не слишкомъ расположенными въ пользу Франці Кэйнсомъ и Вандерлипомъ¹⁾. Наконецъ, пишущій эти строки самъ имѣлъ возможность собственными глазами видѣть размѣръ разрушеній, нанесенныхъ Реймсу, съ его знаменитымъ соборомъ, и то, что представляла собой земля, исковерканная военными сооружениями, на позиціяхъ за Реймсомъ. Свои впечатлѣнія я изложилъ въ статьяхъ, подъ заглавіемъ „Языкъ фактовъ“, въ текущей прессѣ²⁾.

Если вспомнить, что Германія до сихъ поръ сдѣлала до крайности мало въ отношеніи возстановленія этихъ ущербовъ, что Франція въ теченіе четырехъ лѣтъ видѣла въ предѣлахъ своихъ границъ вражескія войска, доходившія почти до самой столицы, что значительная часть ея территоріи въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ представляла собой невиданныя доселѣ поля сраженія, то можно понять послѣвоенныя настроенія французскаго народа. Эти настроенія должны еще болѣе усиливаться отъ впечатлѣній, создаваемыхъ современной Германіей, въ которой земледѣліе и, въ особенности, промышленность, какъ это подтверждалъ высокоавторитетный въ этомъ отношеніи Стиннесъ, находится съ технической точки зрѣнія въ наилучшемъ положеніи. Точно также и германскій бюджетъ за 1924/25 годъ (правда, только впервые послѣ войны) сведень не только безъ дефицита, но даже съ нѣкоторымъ излишкомъ въ размѣрѣ 659,7 милліоновъ золотыхъ марокъ³⁾. Правда, можетъ быть, многіе признаки внѣшняго благополучія Германіи при ближайшемъ, болѣе внимательномъ разсмотрѣніи оказываются ошибочными. Не всегда вѣдь яркій цвѣтъ лица пациента доказываетъ его здоровье, а нерѣдко вызывается лихорадочнымъ жаромъ.

Но все же дѣлый рядъ объективныхъ данныхъ ставитъ Францію по отношенію къ Германіи въ положеніе немилосерднаго кредитора, котораго побуждаетъ къ его позиціи не жестокосердіе, а безысходная нужда. Франкъ упалъ менѣе чѣмъ до $\frac{1}{3}$ своей прежней цѣнности, производство Франці,

1) См. Keynes. Die wirtschaftlichen Folgen des Friedensvertrages, S. 96—97 и Vanderlip. Was aus Europa werden soll? S. 82.

2) См. „Послѣднія извѣстія“, №№ 249 и 250 отъ 9 и 10/X 1923 г. и „Postimees“ №№ 250 и 251 отъ 20 и 21/IX 1923 г.

3) „The Economist“, № 4261 отъ 25/IV 1925., pp. 809—810.

а главное, сбыть французских произведений за границу въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ до войны, задолженность ея чрезвычайно увеличилась. До войны Франція была кредиторомъ цѣлага ряда государствъ, теперь ея внѣшній долгъ Англии и Соединеннымъ Штатамъ составляетъ 35 милліардовъ золотыхъ франковъ, а весь государственный долгъ Франціи вообще, включая внутреннюю задолженность, по даннымъ проф. Шарля Жида, достигаетъ болѣе 400 милліардовъ бумажныхъ франковъ¹⁾. Франція имѣетъ въ обращеніи 37 милліардовъ франковъ бумажныхъ денегъ и трепещетъ передъ дальнѣйшимъ увеличеніемъ инфляціи, боязнѣ которой въ значительной степени связана съ послѣдними перемѣнами во французскомъ министерствѣ²⁾. Налоговое обложеніе во Франціи было значительно выше чѣмъ въ Германіи. Въ 1922 году оно было болѣе чѣмъ въ три раза выше германскаго, а въ 1923 г. почти въ 6 разъ выше³⁾. И только въ 1924 году оно болѣе или менѣе сравнялось въ обѣихъ странахъ⁴⁾.

Франція послѣ побѣдоносной войны значительно обдѣнѣла, необычайно увеличила свой долгъ и запутала свои финансы. Франція не въ состояніи самостоятельно расплатиться со своими долгами, сдѣланными ею вслѣдствіе войны, бюджетъ ея заключается съ дефицитомъ, который приходится покрывать займами на внутреннемъ рынкѣ. Изъ всего этого съ достаточной очевидностью явствуетъ, какъ несправедливо широко распространенное въ Германіи мнѣніе, будто француз-

1) Charles Gide. Die öffentlichen Schulden Frankreichs. „Deutschland und Frankreich etc.“ 91—92, а также 22—32. E. Michel указываетъ даже болѣе крупную цифру въ 465 милліардовъ. См. вообще относительно послѣдствій войны его работу: E. Michel. La réparation des dommages de guerre. Paris, 1923, p. 12 etc. passim.

2) Относительно задолженности Франціи Эррио сообщилъ 9/IV 1925 парламенту слѣдующее. Послѣвоенные годы наложили на Францію тяжкое финансовое бремя. За эти годы пришлось заключить займы въ размѣрѣ 160 милліардовъ, тогда какъ военный долгъ Франціи достигалъ лишь 145 милліардовъ. Внутренній государственный долгъ составлялъ 31 іюля 1924 года 149 милліардовъ долгосрочныхъ займовъ, 37 милліардовъ краткосрочныхъ долговъ и 91½ млрд. непокрытаго долга. Финансовыя затрудненія, обнаружившіяся уже въ октябрѣ 1920 года, улаживались все время при помощи секретныхъ авансовъ со стороны французскаго банка, т. е. нарушенія правилъ для эмиссіонныхъ операцій. См. „Руль“, № 1325 отъ 12/IV 1925 г.

3) Deutschland und Frankreich, S. 90.

4) Deutschland und Frankreich, Neue Folge. Berlin, 1925, S. 44.

скія денежныя требованія имѣютъ своей цѣлью обогащеніе Франціи и экономическую гибель Германіи. Въ дѣйствительности они желаютъ только воспрепятствовать полному разоренію Франціи.

Вотъ какъ обстоитъ дѣло съ взаимными отношеніями этихъ двухъ странъ, наиболѣе рѣзко поставленныхъ другъ противъ друга войной. Если побѣжденнымъ приходится плохо, то не въ блестящемъ положеніи и побѣдители.

IV.

Обрисованное нами тяжелое положеніе большинства государствъ современной Европы, европейскій хаосъ, о которомъ мы говорили, вызвалъ цѣлый рядъ пессимистическихъ предсказаній. Уже нѣсколько лѣтъ послѣ войны раздаются зловѣщія заявленія современныхъ политическихъ Кассандръ. По ихъ мнѣнію, Европа стоитъ передъ неразрѣшимыми задачами, по мнѣнію нѣкоторыхъ она должна была уже сейчасъ погибнуть въ общемъ финансово-экономическомъ катаклизмѣ. Въ этихъ предсказаніяхъ, можетъ быть, находятъ себѣ отраженіе общее разочарованіе въ достиженіяхъ европейской культуры, представленіе о томъ, что она, достигнувъ извѣстнаго кульминаціоннаго пункта, клонится къ своему упадку, какъ это говоритъ столь шумѣвшій своими книгами Освальдъ Шпенглеръ. Но и авторы, исходящіе изъ совершенно иныхъ предпосылокъ, оцѣнивающіе чисто реальные факты и возможности, говорятъ, какъ Деманжонъ, объ „экономическомъ упадкѣ Европы“, или, какъ Нитти, объ „Европѣ надъ бездной“, вообще — о закатѣ Европы.

Я относился всегда очень скептически къ этимъ пророчаніямъ. До сихъ поръ высказывавшіяся по этому поводу опасенія не только не подтвердились, но, наоборотъ, замѣчается цѣлый рядъ признаковъ несомнѣннаго улучшенія. Но отъ этого еще очень далеко до полного успокоенія. Европейскій хаосъ до сихъ поръ еще далеко не улегся. Однимъ изъ непремѣнныхъ условій его разрѣшенія, кромѣ улаженія запутаннаго положенія дѣлъ въ упоминавшихся нами государствахъ, является экономическое и политическое возрожденіе Россіи, которое вновь откроетъ русскій производительный и потребительный рынокъ. развяжетъ гибнуція тамъ сейчасъ понапрасну силы¹⁾.

1) Я умышленно не останавливаюсь здѣсь болѣе подробно на русской проблемѣ, которая представляетъ вопросъ такой важности, что о немъ необходимо говорить совершенно отдѣльно, а не касаясь его лишь попутно.

Для возстановленія взбаламученной Европы необходимо коренное измѣненіе въ настроеніи умовъ населенія, сознание общей солидарности интересовъ вмѣсто ощущаемой теперь столь остро ихъ противоположности. Только когда народы и ихъ руководители поймутъ, что спасеніе въ общемъ сотрудничествѣ, а не въ общей борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, Европа можетъ почувствовать себя спасенной. Вмѣсто хаотической анархіи разбушевавшихся стихій, разрозненности противоположныхъ интересовъ и кажущихся непримиримыми настроеній современной Европы, должна, наконецъ, создаться въ европейской жизни и европейскомъ общественномъ мнѣніи та „диктатура разума“, о которой въ приведенномъ въ началѣ моего очерка эпитафій говоритъ Генрихъ Маннъ.

Федеративное объединеніе на экономической основѣ отдѣльныхъ европейскихъ государствъ одно только можетъ спасти Европу или европейскіе соединенные штаты въ ихъ экономической борьбѣ съ другими частями свѣта, въ первую очередь — Америкой, а затѣмъ и съ возрождающейся Азіей. — Федеративная мирная Европа — единственный способъ выбраться изъ взбаламученнаго моря европейскаго хаоса.

О возможности и необходимости созданія такихъ европейскихъ соединенныхъ штатовъ давно уже говорятъ въ различныхъ странахъ, особенно же усиленно послѣ истекшей великой войны. Выдвигалъ эту мысль въ Германіи, напримѣръ, извѣстный журналистъ Максимилианъ Гарденъ, а въ Чехословакии ея пожизненный президентъ, видный ученый и общественный дѣятель — Томашъ Масарикъ¹⁾.

Пусть скажутъ, что эти мысли пока только мечты, но только такія свѣтлыя мечты когда-либо двигали и могутъ двинуть человѣчество впередъ по пути къ лучшему будущему.

Юрьевъ.

19²⁷/_V 25.

1) Т. Г. Масарикъ. Славяне послѣ войны. Прага. 1923. Изд. „Воля Россіи“. Стр. 20. О томъ же говоритъ и Гербертъ Уэллсъ „Международная катастрофа 1914 года“, etc. стр. 110, 121 и т. д. Мысли эти, очевидно, носятъ въ воздухъ. Въ настоящее время образовалось даже специальное общество, пропагандирующее идею образованія Соединенныхъ Штатовъ Европы, — „Паневропейскій союзъ“. Въ другой нѣсколько плоскости, но на еще болѣе широкомъ основаніи, была построена идея объединенія, осуществленная плохо или хорошо, но все же осуществленная въ образованіи „Лиги націй“.

Das europäische Chaos.

Die wirtschaftlichen Folgen des grossen Krieges.

I.

Wir leben in einer sonderbaren Zeit. Das Schicksal hat uns zu Zuschauern beispielloser historischer Ereignisse gemacht. Man könnte sagen, es sei eine sehr interessante Epoche, wäre sie dabei nicht so grausam und lastete sie nicht so schwer auf uns selbst und auf unseren Nächsten.

Die Literatur über den Krieg und seine Folgen für Europa ist ungemein gross, fast unübersehbar. Es ist ganz unmöglich sie in einem kurzen Vortrage oder einer literarischen Skizze auszunutzen. Die einzig erfüllbare Aufgabe wäre nur eine allgemeine Übersicht alles dessen, was wir in der kurzen Spanne nach dem Kriege erlebt haben, und eine Zusammenstellung von einzelnen Tatsachen.

Vor fast zehn Jahren hat der Verfasser dieser Zeilen, der damals von dem Conseil der Dorpater Universität zum Professor gewählt worden war, eine Antrittsvorlesung in der Universität gehalten über das Thema: „Krieg und Finanzen“. Es war damals das zweite Jahr des grossen Krieges, und alles stand unter dem Zeichen des Krieges. Der Krieg war ein beispielloses Ereignis. „Nach der Sintflut kenne ich kein anderes so grossartiges Ereignis,“ hat jemand damals in Belgien gesagt. Der Krieg war etwas Beispielloses nicht nur seinem Umfange und seiner Grösse nach, sondern auch wegen der Kompliziertheit und Verwickeltheit der historischen und ökonomischen Verhältnisse, unter welchen er losbrach.

Wenn man noch jetzt sehr oft die Frage nach der Schuld am durchgemachten Kriege aufwirft, und er vielen als etwas Zufälliges und Unerwartetes erscheint, so war dieses desto verständ-

licher in jener Zeit der europäischen Katastrophe. Aber auch damals war für viele etwas ganz Entgegengesetztes offenkundig, was ich in meiner Vorlesung ausdrücklich unterstrichen habe.

Vom historischen und noch mehr vom ökonomischen Standpunkte ist der verflossene Krieg nur ein naturnotwendiges Resultat der ganzen vorherigen Entwicklung. Wir stehen vor einem „tragischen Konflikt“ des europäischen Lebens, der seine bestimmten Ursachen und Ansatzpunkte hat. Die Entwicklung der Weltwirtschaft, der Imperialismus als naturnotwendige Folge der kapitalistischen Evolution, Afrika und der Balkan — das waren Kräfte und Angriffspunkte dieser Kräfte, die den Krieg verursachten. Die Hebung der Weltwirtschaft hat für jedes emporstrebende Land, das eine aktive ökonomische Politik treibt, die Bedeutung der Kolonien auf einen besonders wichtigen Platz gestellt. Im Zentrum dieser Entwicklung stand Deutschland, das keine genügenden Kolonien hatte und darum eifrig nach Erweiterung seines Kolonialbesitzes in Afrika strebte. Das führte zu einem unabwendlichen Konflikt zwischen Deutschland auf der einen, England und Frankreich auf der anderen Seite. Dieser Konflikt verschärfte sich noch bedeutend durch die Konkurrenz auf dem Balkan zwischen Österreich, dem Verbündeten Deutschlands, und Russland, das sich auf die finanziellen Märkte von Frankreich und England stützte.

Für breite Schichten des Publikums war der Krieg etwas Unverhofftes, für Politiker und Leute, die das finanz-ökonomische Leben Europas beobachteten, war er ein schon lange erwartetes Ereignis. Man konnte nur nicht ganz bestimmt seinen Ausbruch voraussagen.

Derselben Meinung über die Ursachen des Krieges ist auch Keynes, der sagt, dass es eine vollständige Unmöglichkeit sei ein bestimmtes Land an dem Ausbruch des Weltkrieges zu beschuldigen. Aber auch er, obwohl er in seinen Schriften als ein Verteidiger der Interessen Deutschlands vielemal aufgetreten ist, muss eine besondere und eigenartige Verantwortung Deutschlands für den Krieg zugeben und spricht seine Ueberzeugung aus, dass der Krieg im August des Jahres 1914 von führenden Personen Deutschlands mit voller Überlegung provoziert worden sei.

Doch von dieser Behauptung ist es noch sehr weit bis dahin, die Hauptschuld auf die Rechnung von bestimmten Persön-

lichkeiten zu setzen. Als solche könnten der verstorbene Kaiser Nikolaus II und Kaiser Wilhelm II figurieren. Was den ersteren anbelangt, so kann man sagen, dass er schon wegen seiner schwachen Willenskraft nicht als Urheber des Krieges betrachtet werden kann. Er ist mehr im Fahrwasser der historischen Entwicklung geschwommen, anstatt sie selbst zu schaffen. Etwas anders muss die vorliegende Frage in Bezug auf Wilhelm II beantwortet werden. Er war eine ganz andere Gestalt, die längere Zeit nicht nur im eigenen Lande, sondern auch im Auslande imponierte. Jetzt, wo sich der alleruntertänigste Nebel gelichtet hat, kann man ein richtiges Urteil über ihn und seine Mitschuld an dem Kriege fällen. Jetzt ist es klar, wie gross der Fehler der deutschen Fernpolitik war, die ruhig den Triumph Japans über Russland im Jahre 1905 duldete, und noch mehr: ihn in dem für Russland sehr unvorteilhaften Handelsvertrag von 1904 ausnutzte. Das Misslingen seiner Politik im fernen Osten lenkte das Augenmerk Russlands auf Europa, wo es auf dem Balkan die lockere Habsburgische Doppelmonarchie bedrohte. Die unkluge persönliche Politik Wilhelms tat noch das ihrige, um am Ende zu der sogenannten „Einkreisung“ Deutschlands zu führen.

Das deutsche Volk hat leider zu spät erfahren, was eigentlich unter dem grossartigen Äusseren „unseres Kaisers“ steckte. Zu spät wurde man bekannt damit, was von ihm seine Nächsten und Lieblinge, wie Hinzpeter und Waldersee, sein erster Kanzler, ja seine Eltern meinten und wie sie sich über ihn aussprachen.

Aber auch jetzt in seinem pompösen Exil drückt sich Wilhelm II in derselben leichtsinnigen und prahlerischen Art aus. Für diesen Wortschwall und diese Prahlerei musste das deutsche Volk einen schweren Preis bezahlen!

Überhaupt kann man sagen, dass die ganze Periode des Krieges sowohl für Deutschland, als auch für die Alliierten eine Periode der grandiosen Lüge war. Der Krieg wurde von beiden Seiten „im Interesse der Gerechtigkeit“ geführt, es war der „letzte“ Krieg, der „Krieg dem Kriege“ u. s. w.

In Russland z. B. hat man die grösste Aufmerksamkeit nicht auf den Bestand der eigenen Kräfte, sondern auf die eingebildete Schwäche der Gegner gelenkt. Russland, als landwirtschaftlicher Staat, sollte den Krieg gar nicht fühlen, und sowieso musste der Krieg, fast von selbst, mit der Niederlage Deutschlands sein Ende nehmen.

Aber dasselbe sah man auch in Deutschland. Die Lage der Feinde sollte verzweifelt sein, diejenige Deutschlands — brillant. Man konnte von dem siegreichen Ende des Krieges fest überzeugt sein. — Und all das wurde, gegenüber ganz anderen Meinungen einiger obersten Kriegsführer (v. Moltke), von den Vertretern der deutschen Regierung behauptet. Das Volk wurde belogen und betrogen, wie sich ein Hochkonservativer am Ende des Krieges ausdrückte.

II.

Wieviel der Krieg allen Teilnehmern kostete, wissen wir ungefähr. Das waren über 10 Millionen Tote und eine Summe von mehr als 760 Milliarden Goldmark. Die Welt stand vor einer nie dagewesenen Vernichtung von angehäuften Werten. Aber war denn wirklich als Resultat des Krieges eine allgemeine Gerechtigkeit und ein ewiger Friede erreicht? Was haben die Völker, die an diesem grandiosen Kataklysmus teilgenommen haben, wirklich errungen?

Anstatt der allgemeinen Beruhigung, Begründung der Gerechtigkeit für die ganze Welt, war das europäische Chaos gekommen. Für die am meisten durch den Krieg Geschädigten — Deutschland und Russland — endigte der Krieg für das erstere mit dem Versailler Frieden, und für das letztere mit dem Vertrag von Brest-Litowsk und — mit dem Bolschewismus. Was das übrige Europa anbetrifft, so sehen wir, anstatt der allgemeinen Beruhigung und Entwaffnung, in dem heutigen Europa, Russland nicht in die Rechnung einbezogen, doppelt so viel Bewaffnete als vor dem Kriege.

Die Besiegten haben tatsächlich wenig bewaffnete Leute, aber die Sieger rüsten sich immerfort. Europa und die ganze Welt wird mehr und mehr militarisiert!

Neben diesem kolossalen Wachstum der Bewaffnungen ist in Europa eine sehr schwierige ökonomische Lage eingetreten, die man mit vollem Rechte als ökonomisches Chaos bezeichnen kann. Das ganze Europa fühlt die schweren Folgen der Nachkriegszeit und die Bürde des endlich erreichten Friedens. Anstatt des normal organisierten Verkehrs sieht man in ganz Europa eine Stockung des wirtschaftlichen Lebens, die zu einem unrichtigen Stoffwechsel in der ökonomischen Sphäre führt. Die

Desorganisation der Produktion in den besiegten Ländern macht sich auch bei den Siegern sehr schwer fühlbar. Europa, der hauptsächlichste Abnehmer Amerikas (U. S. A.), konsumiert nur einen Teil von dem, was es früher jährlich forderte. Das Gleichgewicht im ganzen wirtschaftlichen Leben ist verloren gegangen.

Der Bestand der Bevölkerung Europas lässt nach dem Kriege sehr viel zu wünschen übrig. Das hängt nicht nur von den grossen Kriegsverlusten ab, die die kräftigsten Elemente der Bevölkerung verschlangen, sondern auch von der Schwächung der Zurückgebliebenen durch Epidemien und die schweren Umstände der Kriegsjahre. Auch die Zusammensetzung der Bevölkerung ist vom ökonomischen Standpunkte aus viel unvorteilhafter geworden. Die Schwierigkeiten des Verkehrs, von denen wir schon oben sprachen, werden noch durch die neuentstandenen Valutaunterschiede und Valutaveränderungen, die wir als Valutachaos bezeichnen können, bedeutend verschärft. Dieses Valutachaos bringt in das wirtschaftliche Leben eine nie dagewesene Unsicherheit und erschwert den Warenaustausch von verschiedenen Ländern und Weltteilen.

Wir kennen sehr gut das Fallen der Werte von verschiedenen Valuten, auch die glücklichsten nicht ausgenommen. Wir wissen, was in dieser Beziehung solche Länder, wie Österreich, Polen, Deutschland, von Sowjetrussland schon nicht zu sprechen, durchgemacht haben. Die deutsche Mark hat uns nach dem Kriege das Bild eines nie dagewesenen Sturzes gegeben, das an etwas Märchenhaftes erinnert. Die Lage Berlins während des Höhepunktes dieses Sturzes im Sommer und Herbst 1923 schildert ein von mir geschriebener Zeitungsartikel unter dem Titel: „Berlin im Banne des Dollars“. Daraus kann man sehen, wie damals das Berliner wirtschaftliche Leben aussah, in der Zeit, wo die deutsche Valuta sich dem „auf Papier gedruckten Nichts“ näherte.

Wenn man aber dem gegenüber annimmt, dass die hochvalutarischen Länder in Reichtum und Überfluss schwammen, so wird man sich sehr irren. Die Länder mit niedriger Valuta produzieren billiger und erschweren den hochvalutarischen Ländern den Absatz nicht nur in fremden Ländern, sondern auch auf dem eigenen Markte. All das führt zu einer furchtbaren Arbeitslosigkeit, unter der am meisten die hochvalutarischen Länder leiden. Im Jahre 1922 machte die Zahl der Arbeitslosen in Europa 4.000.000, in der ganzen Welt 10.000.000 aus. Mit ihren

Angehörigen wächst diese Zahl mindestens bis auf 30.000.000 und das damit verbundene Defizit in der Produktion für die ganze Welt wenigstens bis auf 100 Milliarden Goldfranken. Ausserdem hat nach dem Kriege eine kolossale Verschiebung der Werte zwischen Europa und Amerika Platz genommen. Vor dem Kriege war Amerika der Schuldner Europas, jetzt liegen die Dinge umgekehrt. Europa schuldet an die Vereinigten Staaten $11\frac{1}{2}$ bis 15 Milliarden Dollars, und fast die Hälfte der Goldreserven der ganzen Welt ist in Amerika aufgespeichert.

Hand in Hand mit der abnehmenden Produktion und dem verringerten Absatz nach dem Kriege sehen wir in allen Ländern eine enorme Verteuerung des Lebens, die ihre Ursache sowohl in den Schwierigkeiten auf dem Gebiete der Herstellung der Güter, als auch in der verminderten Löhnung grosser Schichten der Bevölkerung findet.

III.

Von diesen allgemeinen Bemerkungen, die die Lage ganz Europas in Betracht ziehen, gehen wir zur Lage derjeniger zwei Länder über, deren Interessen am schärfsten durch den Krieg einander gegenübergestellt sind: Deutschland und Frankreich.

Deutschlands Lage nach dem Kriege wird durch den berühmten Versailler Vertrag bestimmt, der eine ganze Literatur hervorgerufen hat. Von allen seinen Hauptforderungen, die Deutschland sehr grosse Bestandteile seines Vermögens wegnehmen, ist die schwerste die kolossale Reparationsforderung, die auf Deutschland als unerschwingliche Bürde lastet. Der Versailler Vertrag beruhte auf den in den Friedensschlussverhandlungen aufgenommenen Worten: „réparation des dommages.“ Aber später war dieser Begriff bedeutend erweitert, und man fing an auch von der Rückzahlung der Kriegsausgaben zu sprechen. Als dazu nötige Summe wurden angegeben 1000, ja bei fünfzigjähriger Frist der Auszahlung, — selbst 3000 Milliarden Franken. Für jeden etwas kundigen Nationalökonom stellte sich diese Summe als Absurdität dar. Aber die Welt war wie von einem Wahn heimgesucht und zeigte eine unverzeihliche Unkenntnis ökonomischer Tatsachen und Prinzipien.

Deutschland musste sich sofort den schweren Vorschriften des Versailler Vertrages fügen, aber man sah ein, dass es die

übermässig grossen Zahlungen nicht leisten konnte und wollte. Das sahen am Ende selbst die Alliierten ein, und unzählige Konferenzen verminderten nach und nach die Summe der betreffenden Reparationsforderungen: die Londoner Konferenz — bis auf 132 Milliarden, und einige Schriftsteller sprachen sogar nur von einer Summe von 53 oder 40 Milliarden Goldmark.

Eine endgültige Antwort auf die Frage, was eigentlich Deutschland bis jetzt den Alliierten gezahlt hat, — ist ungemein schwer, da die auseinandergehenden Meinungen zu grosse Differenzen ergeben. Es wird gesprochen von $45\frac{1}{2}$, $22\frac{1}{2}$ und sogar von nur 8 Milliarden Goldmark. Eine richtige Aufzählung macht zu grosse Schwierigkeiten. Das eine kann man nur sagen, dass in Bar bis Ende 1922 noch sehr wenig gezahlt war.

Dass Deutschland sich mit seinen Zahlungen nicht beeilte, war offenkundig nicht nur für das interessierte Frankreich, sondern auch für das mehr unparteiische England und Amerika.

Anstatt der Reparationszahlungen nahm Deutschland seine Zuflucht zu einer ungemeinen Vergrösserung seines Papiergeldumlaufes, was eine unerhörte Inflation schuf und vielen Inflationisten eine leichte Gelegenheit zur Vergrösserung ihres Vermögens gegeben hat. Unter diesen Zuständen kam es zu der Ruhrbesetzung, die Frankreich keine finanziellen Vorteile brachte, aber auch zufolge des deutschen passiven Widerstandes nur einer weiteren Inflationsbereicherung Tür und Tor öffnete. Alles sprach von dem „Aushalten“, und alles spekulierte, was im Auslande einen sehr schlechten Eindruck machte.

Jetzt haben sich die Zustände etwas gebessert. Die deutsche Mark ist stabilisiert, der Reparationsplan von Dawes, ist ausgearbeitet und angenommen, die Frage der Ruhrokkupation ist auf dem Wege beigelegt zu werden. Aber die Streitigkeiten zwischen Deutschland und Frankreich dauern bis jetzt.

Die Ursachen dieser akuten Lage bestehen hauptsächlich darin, dass der Hauptsieger den Kampf ausschliesslich auf seinem Territorium führte, und der Hauptbesiegte fast ausschliesslich auf fremdem Boden, und dass Deutschlands frühere Bundesgenossen vollständig zahlungsunfähig sind, weshalb alle Reparationszahlungen nur auf das letztere fallen sollen.

Aber bei dem Lärm und Wortstreite über die Folgen des grossen Krieges hat man jetzt all die Tatsachen der Kriegszeit,

die schwer auf das deutsche Konto fallen, fast völlig vergessen. Man hat da, zum Beispiel, die Art und Weise des Friedensvertrages von Brest-Litowsk vergessen, der in seinen Paragraphen eine vollständige Knechtung Russlands darstellte. Aus diesem Vertrage kann man den Schluss ziehen, wie die Forderungen gelautet hätten und wie es mit dem Gerechtigkeitsprinzip stände, wenn Deutschland aus dem Kriege siegreich hervorgegangen wäre.

Die Franzosen stehen jetzt auf dem formellen Standpunkte: Deutschland hat den Versailler Vertrag unterschrieben und weigert sich zu zahlen! Das wird jetzt immer mehr auch in Deutschland zugegeben, wo man jetzt eine Analogie, nur mit umgekehrten Rollen, zwischen der jetzigen und der Lage nach dem Kriege 1870—71 zieht. Wie hätte es damals mit Frankreich gestanden, wenn die Pariser Regierung der jetzigen Berliner Regierung nachgeahmt hätte?

Frankreich leidet am Gestern, fürchtet für morgen, seine Lage ist in vielen Beziehungen eine verzweifelte. Man muss nur an die ungemein grossen Zerstörungen im nordöstlichen Frankreich denken, die auch von Leuten, die gar nicht franzosenfreundlich gesinnt sind, zugegeben werden. Einen Teil dieser Zerstörungen hat auch der Verfasser dieser Skizze gesehen und seine Eindrücke in der Presse beschrieben.

Eine ganze Reihe objektiver Tatsachen stellt Frankreich Deutschland gegenüber in die Lage eines unbarmherzigen Gläubigers. Der Frank ist bis unter $\frac{1}{3}$ seines früheren Wertes gefallen, Frankreichs Produktion und Export haben sich im Vergleich mit der Vorkriegszeit sehr vermindert, die innere und äussere Verschuldung ist enorm gewachsen und stellt eine Summe von 400 Milliarden Papierfranken dar. Der Steuerdruck in Frankreich ist sehr schwer.

Ueberhaupt ist Frankreich nach dem siegreichen Kriege viel ärmer geworden, hat seine Schuld ungemein vergrössert, und seine Finanzlage ist sehr verwickelt. Seine Forderungen an Deutschland haben nur den Zweck, Frankreich aus der verzweifelten Lage zu helfen.

So steht es mit den beiderseitigen Beziehungen dieser zwei Länder. Ist die Lage der Besiegten sehr schlimm, so fühlen sich die Sieger doch auch nicht brillant.

IV

Die von uns oben geschilderte schwere Lage der meisten Staaten des heutigen Europa, das europäische Chaos, von dem wir gesprochen haben, hat eine ganze Reihe pessimistischer Voraussagungen hervorgerufen. Schon einige Jahre nach dem Kriege hört man die Behauptungen der modernen politischen Kassandras.

Nach ihrer Meinung steht Europa vor unüberwindlichen Aufgaben; nach der Meinung einiger sollte es schon jetzt in dem allgemeinen finanz-ökonomischen Kataklysmus untergegangen sein. In diesen Voraussagungen erklingt vielleicht ein allgemeiner Zweifel an den Errungenschaften der europäischen Kultur, eine Stimme im Sinne Oswald Spenglers. Aber auch andere, ganz realistisch gesinnte Schriftsteller sprechen von einem Untergange Europas.

Ich war immer solchen Prophezeiungen gegenüber sehr skeptisch gesinnt. Bis jetzt haben sie sich nicht nur nicht bewährt, sondern im Gegenteil, man kann sagen, dass man viele Zeichen einer Besserung der Lage Europas beobachten kann. Von einer vollständigen Beruhigung des europäischen Chaos ist es selbstverständlich noch zu früh zu sprechen. Eine der unentbehrlichen Bedingungen dazu, ausser der Besserung der Lage vieler der von uns oben genannten Länder, ist die ökonomische und politische Wiederherstellung Russlands.

Zur Beruhigung des aufgewühlten Europa ist eine gründliche Wendung in der Gesinnung seiner Bevölkerung notwendig, ein Bewusstsein der allgemeinen Solidarität der Interessen, noch mehr vielleicht eine „Diktatur der Vernunft“, von der in unserem Motto Heinrich Mann spricht.

Der Ausweg findet sich vielleicht in einer föderativen Vereinigung verschiedener europäischer Länder auf einer ökonomischen Basis, d. h. in einer Gründung europäischer Vereinigter Staaten. Das wäre vielleicht der einzige Ausweg aus der ungemein verwickelten Lage, in der sich Europa befindet. Viele haben davon schon in der Vorkriegszeit gesprochen, jetzt haben sich derartige Stimmen vermehrt.

Möge man sagen, so eine Idee stelle nur eine Art Schwärmerei dar, aber nur solche Schwärmereien können der Menschheit zu einer besseren Zukunft verhelfen.

СП6ГУ

Труды проф. М. А. Курчинскаго

(изданные отдѣльно).

- Союзы предпринимателей.** Экономическій этюдъ. Спб. 1899. стр. IV+201. (Распродано.)
- Муниципальный социализмъ.** Задачи городского хозяйства. Изд. „Общественной Пользы“, Спб. 1906, 55 стр. (Распродано.)
2-ое изд. Спб. 1917. Изд. „Социалистъ“. (Распродано.)
- Муниципальный социализмъ и развитіе городской жизни.** Изд. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1907. 110 стр. (Распродано.)
- Городскіе финансы.** Эволюція налоговой системы въ городахъ Пруссій въ концѣ XIX и началѣ XX вѣка (1870—1910). Спб. 1911, стр. XX+483. Складъ изд. въ книжномъ маг. „Право“.
- Поземельная задолженность.** Статистика поземельной задолженности въ Австріи, Германіи, Франціи, Италіи и Россіи. П-дъ 1917, стр. IV+95. Складъ изд. въ книжн. магазинѣ „Право“. (Распродано.)
- Заемъ свободы.** Спб. 1917, стр. 16. Изд. „Временнаго Правительства“ (не поступало въ продажу).
- Апостоль эгоизма.** Максъ Штирнеръ и его философія анархій. Критическій очеркъ. П-дъ 1920. Изд. „Огни“, стр. VIII+256.
- Соціальный законъ, случай и свобода.** Съ краткимъ рефератомъ на нѣмецкомъ языкѣ. Дерптъ. 1922. Типографія Маттисена, стр. 44.
- Изъ курса политической экономіи.** Очерки. Изданіе О-ва русскихъ студентовъ при Дерптскомъ Университетѣ. Дерптъ, 1923, стр. 47.

На нѣмецкомъ языкѣ.

- Der Apostel des Egoismus.** Max Stirner und seine Philosophie der Anarchie. Aus dem Russischen übersetzt von G. von Glasenapp. Berlin 1923. Verlag R. L. Prager, 177 S.

Подъ редакціей М. А. Курчинскаго.

- Вернеръ Зомбартъ.** Современный капитализмъ. I томъ, 2 вып. Генезисъ капитализма. Изд. Д. С. Горшкова. Москва, 1904, стр. 333—687.
- То же. II томъ. Теорія капиталистическаго развитія. Москва, 1905, стр. 595.
- Зебергъ, К. Т.** Курсъ финансовой науки. Переводъ съ 12 изданія подъ редакціей и съ дополненіями по русскому финансовому праву М. А. Курчинскаго. Спб. 1913, стр. XII+592. (Распродано.)